

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

СПАРТАК

Константин Кривчиков

Annotation

Он изгой, который не помнит даже собственного имени. У него нет ничего и никого – ни дома, ни родных, ни друзей. И даже прошлого нет. Но есть злобные и коварные враги, мечтающие его уничтожить.

Ежедневно он выходит на арену и сражается как гладиатор. Каждый новый противник сильнее и опаснее предыдущего, и его судьба постоянно висит на волоске. Но он обязан побеждать, чтобы спасти себя и любимую девушку.

И он побеждает. Потому что он – Спартак.

Константин Юрьевич Кривчиков

Спартак

© К. Кривчиков, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Зрелища в Зоне Москвы любят все.

Особенно – примитивные кровавые зрелища.

Особенно, если при этом есть шанс заработать несколько монет.

Например, ставишь свои монеты на победителя и получаешь на халяву в два раза больше. Главное, чтобы подфартило.

А можно и иначе заработать – если ты силен и умеешь драться, а жрать нечего. Тогда, пожалуйста, – бери оружие, выходи на арену и сражайся. И всё в твоих руках. Или в лапах – в зависимости от того, кем тебя угораздило родиться. И если победишь, то встретишь рассвет с полным животом и в объятиях толстой самки. Ибо таким и должно быть утро победителя.

А если не повезет и проиграешь свой поединок, то так тому и быть – скатертью дорога. Ведь проигравший, как заведено на этом свете испокон веков, не получает ничего. И отправляется проторенным путем на тот свет – за Черную Границу и в прочие малоисследованные места. И это правильно, потому что так установлено Природой: сильный съедает слабого, чтобы становиться еще сильнее. Естественный отбор называется, если кто еще до сих пор не врубился.

Но уж в Зоне-то Москвы про естественный отбор понимают все – менталитет такой, потому что законы эволюции здесь изучаются на собственной шкуре. И высекаются прямо на ней рваными шрамами на всю оставшуюся жизнь – если «ученику» удастся оклематься после очередного урока. Ведь это тебе не контрольную в школе содрать – здесь, брат, халтура не прокатит.

– Ур-ры! – прорычал здоровенный нео, стоявший в левом углу арены. И, утробно хрюкнув, повторил для пущей убедительности: – Ур-ур-ры!

Судя по внешнему виду, мохнач числился у матушки-природы в прилежных учениках. Его обнаженное мускулистое тело было изодрано десятками грубых шрамов, которых не могла скрыть даже густая темно-бурая шерсть. К тому же она местами отсутствовала, обнажая багровые проплешины, словно мутанта однажды щедро обварили кипятком. Облик бывшего бойца, прошедшего Крым и рым, дополняли выступающие изо рта кривые клыки, свернутый на бок нос и полуоторванное ухо, сочившееся кровью.

Ухо нео чуть не потерял в недавней схватке с дампом. Тот сражался озверело, но мохнач все-таки завалил врага дубиной – так врезал по черепушке, что у «мусорщика» лишь мозги брызнули. В результате нео честно заработал пять золотых «Сеятелей» – монета такая есть, если кто не в курсе – и мог отправляться на заслуженный отдых в трактир для мутов. Там тебе и бражки нальют, и мяском накормят – пусть и неизвестного происхождения, зато почти свежим.

Однако нео, раздухарившись, решил тут же поучаствовать в следующем поединке. Видимо, в схватке с дампом не весь пар выпустил. Ведь мохначи, они ребята заводные. Если уж моч... простите, адреналин в башку ударил, то фиг остановишь. Вот и нашего «чемпиона» никто отговаривать не стал. Да и зачем? Пусть дерется, косматый, если дурную силу некуда девать.

Соперник нео, стоявший в правом углу арены, выглядел по сравнению с мохначом невзрачным и не производил впечатления мощного бойца. Это был безродный представитель многочисленного и разнообразного племени мутантов-вормов, давно получивших в

московском народе презрительные прозвища «трупоеды» и «бомжи». Внешность ворма, рискнувшего сразиться с грозным нео, вполне соответствовала говорящим прозвищам-характеристикам.

Одетый в вонючие лохмотья вековой давности, плюгавый, с угловатой лысой башкой, «трупоед» являлся типичным мутантом-недоноском, порожденным безумной постъядерной природой. В общем, дебил и ублюдок, готовый экземпляр для Кунсткамеры будущего. Если он чем и выделялся, то корявыми руками-плетьми – они свисали ниже колен и превосходили размерами даже длинные лапы нео.

– Ну ты как, чмо, готов? – не скрывая презрения, небрежно бросил ворму распорядитель боев – квадратный, словно сейф, маркитант, облаченный в выцветшие трикотажные штаны и жакет из дубленой кожи фенакодуса.

– Да, – буркнул «трупоед», глядя мутными глазами в сторону трибун. И приподнял в правой руке полутораметровую трубу с загнутым и расплюснутым концом. Мол, готов к труду и обороне.

Благодаря изгибу, дубинка немного смахивала на клюшку, но мутант вряд ли имел хотя бы малейшее представление о хоккее. А вот черепушку своей клюкой мог раскроить любому. Хотя по сравнению с сучковатой дубиной нео кривая железяка ворма все равно казалась легковесной и неубедительной – как и сам «бомж».

Так же, видимо, полагал и нео. Увидев, что противник приподнял оружие, он злобно рыкнул и сделал шаг вперед. Но распорядитель остановил порыв мохнача решительным жестом руки и выкриком:

– Стоять на месте, уроды! Драться только по свистку.

Нео недовольно заурчал. Однако притормозил и, широко расставив мохнатые ноги, закинул дубину на плечо.

– Прием ставок прекращается после команды «бой»! – громогласно объявил маркитант. Окинув взглядом разношерстную публику на трибунах, он криво усмехнулся и продолжил: – Успевайте делать ставки, дамы и господа... Итак, представляю бойцов! В левом углу ужасный и непобедимый Драр из клана Брарга! Только что проломил череп дампу – крутой пацан, сами видели. Дерется за себя. В правом углу, э-э-э...

Распорядитель покосился на ворма и спросил:

– Эй, чмо, погоняло есть?

– Чаво? – с недоумением отозвался «бомж». Его верхняя губа при этом вздернулась, обнажив относительно мелкие, но частые, зубы. Их в пасти мутанта торчало около полусотни и росли они в два ряда.

– Того. Ну и хрен с тобой, образина, – пробормотал маркитант. И уже громко добавил: – Итак, в правом углу боец по кличке Зубач! Выставлен кланом шамов. – Он попятился к ограждению. – Сходитесь, уроды! Бой! – И, засунув в рот свисток, висевший на шее на витом шнурке, издал пронзительную трель.

Нео зарычал и вприпрыжку бросился в противоположный угол. Еще на середине арены он занес дубину над собой, не скрывая намерений покончить с врагом одним ударом. Ну, максимум, двумя, если тот сразу не окочурится.

А чего волынку тянуть? С таким ушлепком даже юнец справится, а уж он-то, могучий воин Драр, разделается в два счета. Надо же, какой-то вшивый worm, а посмел против благородного нео выступить. Совсем эти «бомжи» оборзели.

Ну, ничего. Сейчас я ему мозги повышибаю. Затем получу «золотые» и сразу в кабак –

вот уж оттянусь сегодня на славу...

Примерно так или что-то в этом роде думал своими примитивными, как узкоколейка, извилинами «ужасный и непобедимый» мохнач Драр, быстро приближаясь к задрипанному ворму. А тот, в одночасье получив звучное имя Зубач, продолжал стоять в своем углу. И лениво почесывал брюхо, заросшее рыжей шерстью – то ли блох гонял, то ли просто от грязи зудилось.

Даже с места почти не сдвинулся, дебил. Лишь выставил вперед левую ногу и тупо уставился одним глазом перед собой – вроде как и на подбегающего нео, и как бы сквозь него. Без интереса, в общем, уставился, словно не находил в мохнatom противнике существенной угрозы. А вторым глазом в это время косил на трибуну для мутов – благо, что зрачки у него гуляли по глазницам сами по себе, как небезызвестная кошка Киплинга.

Поведение «трупоеда» резко изменилось в тот момент, когда раскочегаренный нео приблизился на дистанцию в несколько прыжков. Тело ворма вдруг напряглось желваками мышц, тусклые, будто потухшие, глаза блеснули искрами ярости, а рот оскалился двойным рядом клиноподобных резцов. Острые, как зубья ручной пилы, от души наточенной рачительным хозяином, они могли нанести значительный урон врагу – особенно, если сойтись с ним в клинче.

Однако разъяренный нео вряд ли обратил внимание на плотоядную ухмылку ворма. Да и не собирался он сближаться вплотную с каким-то вонючим «трупоедом». Много чести! Еще инфекцию какую-нибудь подхватишь или вормовских блох – вот те, твари, кусаются, так кусаются!

Расчет мохнача был прост и прямолинеен. Находясь в паре метров от ворма, Драр подпрыгнул и выбросил вперед лапу с дубиной, целя противнику в прямоугольную черепушку. Мол, р-раз – и в дамки! И все по науке, как тренер научил.

Учитывая длину лапы и размер дубины, нео и в самом деле мог завалить Зубача на средней дистанции – примерно так он разделался с «мусорщиком» в предыдущей схватке, шустро подскочив и отоварив того по башке. К тому же внешне неповоротливый ворм сам напрашивался на подобный удар: просто чучело какое-то, неподвижная мишень – подбегай и мочи ублюдка. Не иначе как в ступор впал от страха.

Но «трупоед» проявил неожиданную проворность, заодно напомнив безбашенному мохначу о длине собственных рук и продемонстрировав отличное владение «клюкой». Мол, и мы не лаптем щи хлебаем – в том смысле, что не надо разевать хлебальник и говорить «гоп», пока не перепрыгнул. Видали мы таких «гопников»...

Нет, Зубач не стал отмахиваться своей кривой железякой от могучей дубины Драра. Он поступил проще и одновременно хитрее – мгновенно присел и встретил мохнача вытянутой навстречу «клюкой». Прямо в воздухе встретил, когда тот еще находился в прыжке.

Изогнутый конец трубы угодил нео в район брюха, промассировав его до позвоночника. А ворм, оставаясь на полусогнутых, подкинул тушу мохнача вверх и вперед по ходу полета. После чего у нео не осталось иного варианта, кроме как спикировать башкой в деревянное ограждение за спиной Зубача.

Получивший неплохое ускорение могучий Драр летел, словно чугунное ядро Царь-пушки, даже не пытаясь сложиться и как-то смягчить удар. И через мгновение врезался в горизонтальный брус-лафет – смачно, с громким треском. Так, что у стоявшего невдалеке маркитанта-распорядителя даже в ушах зазвенело.

Подобный скрипучий звук мог издать либо расколовшийся череп, либо сломавшийся

брус. Однако забор стоял непоколебимо, из чего вытекало, что треснул череп нео. Да и туша его тут же шлепнулась на землю, как мешок, набитый дерьмом – чпом-м! Капец, значит, косматому настал, судя по всему.

Видимо, так же решил и Зубач. Довольно взвизгнув, он шагнул к телу поверженного противника и нагнулся над ним. Судя по тому, как «бомж» хищно поводит приплюснутым носом, он выбирал самый вкусный кусок туши мохнача для будущей трапезы. Даже облизнулся, гурман недоделанный, сглатывая слюну.

Правила боев (регламент, так сказать) разрешали победителю съесть побежденного – добыча она и есть добыча, да и мясо, считай, свежее, так или иначе кто-нибудь слопает. Разве что запрещалось устраивать обжираловку непосредственно на арене – некультурно как-то, чай не в джунглях дело происходит, а на спортивном мероприятии. Поэтому распорядитель уже собрался дунуть в свой свисток, чтобы приструнить зарвавшегося «трупоеда». Да не успел.

Драр вдруг дернул косматой башкой – череп его, как ни странно, не раскололся при ударе о брус, разве что слегка треснул – и громко чихнул. Затем приоткрыл глаза. После чего события стали разворачиваться с молниеносной быстротой: обнаружив прямо над собой ухмыляющуюся рожу ворма, нео зарычал и попытался вцепиться в шею врага обеими лапищами.

Вряд ли в тот момент мохнач действовал осознанно – после такого нокаута в себя не скоро придешь, даже и в том случае, если у тебя вместо мозгов сплошная лобная кость. Скорее всего, у нео сработали инстинкты. И сработали правильно, потому что до Зубача воскресший Драр дотянуться все-таки сумел.

А вот «бомж», наоборот, малость расслабился и среагировал на движение нео с опозданием. С небольшим совсем опозданием, но мохначу его хватило, чтобы дернуть ворма на себя и получить тактическую инициативу. Правда, ненадолго.

Будь на месте Зубача какое иное человекоподобное существо с более-менее нормальной шеей, то ему бы тут же наступил крендец. Сломал бы ему остервеневший нео кадык и все дела. Но зубастый ворм уродился настоящим уродом, не подкопаешься. Прямоугольная башка росла у него непосредственно из плеч, а о том, где расположен кадык, не знал наверняка и сам Зубач. В итоге Драр вцепился ему не в шею, а в отвисшие, словно у бульдога, щеки. И это предопределило исход схватки.

Когда Зубач, потеряв равновесие, шлепнулся на Драра, то угодил своей wormовской харей в аккурат на морду нео. Вышло почти как в любовной сцене голливудского фильма о ковбоях нетрадиционной ориентации – целуйся хоть до посинения все пять дублей. Но worm целоваться не собирался – взял да и рванул мохнача за нижнюю губу клинообразными резцами-зубьями. Так рванул, что содрал бедолаге все мясо с подбородка.

Драр завизжал. Но вместо того чтобы оттолкнуть «бомжа» от себя, еще сильнее вцепился ему в щеки. Рефлекторно, понятно, вцепился, да вот только Зубачу как раз это и требовалось – раззявив и без того не маленькую пасть, он со всей страстью голодного «трупоеда» располосовал мохначу шею. Которая у того, в отличие от Зубача, находилась в том самом месте, где и положено порядочным человекообразным. Вот и родись после этого нормальным мутантом.

Кровища брызнула из разодранной гортани струей. Драр захрипел, забулькал и уже через несколько секунд судорожно засучил лапами – всеми четырьмя. А worm впился ему в артерию и знай себе сосет да причмокивает – дорвался до вкусного, вурдалак.

Когда запоздавший распорядитель подбежал, выдувая из свистка грозные рулады, Зубач уже успел отсосать из умирающего неолитра два крови.

– А ну прекрати, урод! – проорал маркитант, притормозив в нескольких метрах. – Отвали от трупа, кому сказано!

Ворм приподнял голову и посмотрел на распорядителя шальными глазами. Затем, утробно заурчав, откусил мохначу ухо – то самое, ранее наполовину оторванное в схватке с дампом – и с видимым удовольствием зажевал.

– Считаю до трех, чмо! Иначе пристрелю! – со злобой выкрикнул маркитант, предусмотрительно отступая на шаг. После чего положил ладонь на рукоятку револьвера, торчащую из открытой кобуры.

Глаза Зубача блеснули недобрыми багровыми огоньками. Показалось, еще миг – и одуревший от свежей крови мутант набросится на человека.

– Р-раз! – вытаскивая револьвер из кобуры, угрожающе объявил распорядитель. Его вид и готовность к действию не оставляли сомнения – выстрелит и не поморщится, едва досчитает до трех. Однако досчитывать не пришлось.

Поведение ворма неожиданно и резко изменилось, словно кто-то щелкнул тумблером, отключая мутанта от энергетического источника. Взгляд «трупоеда» потух, плечи бессильно опустились. Он с усилием поднялся на ноги и медленно побрел по арене. Рожа – в крови. Во рту – недожеванный кусок уха. В мутных глазах – мертвая белесая пелена. Гладиатор, еж твою...

Впрочем, какие времена, такие и нравы. А времена-то – ого-го какие! Настолько крутые, что самое дремучее Средневековье отдыхает, и Дракула нервно курит в сторонке, словно скромная Дюймовочка: постыжерный мир, Зона Москвы, отравленный воздух, гнилая вода, сумасшедшие роботы, кровожадные мутанты, мрак и ужас... Вот такие времена. Жизнь после смерти, короче говоря.

И все-таки – жизнь...

Глава первая

Капище

– Ну что, Кыс? – усмехнувшись, негромко спросил могучий детина в длиннополой кольчуге и сфероконическом шлеме с наносником. – Покажем этим ушлепкам, где удильщик зимует?

Стоявший рядом с ним громадный крысопес – почти сплошь черный, с темно-серыми пятнами на боках – мотнул башкой и нетерпеливо взвизгнул. Его измазанная свежей кровью морда и оскаленная пасть с танталовыми клыками без слов говорили: «Ты давай, Егор, короче. Зачем спрашивать, когда и так все ясно? Разорвем гнилых дампов, как Тузик грелку, и все дела».

– Я и не сомневался в твоей поддержке, – пробормотал Егор, прислушиваясь к нарастающему шуму за углом.

В отличие от пса-киборга, понимавшего человеческую речь, но не умевшего говорить, Егор не знал наверняка, о чем думает его боевой соратник. Но ситуация не оставляла места для сомнения. Ведь на кону стояла жизнь сестры Егора Алены, а за нее Кыс мог раздербанить в клочки кого угодно – хоть жука-медведя, хоть удильщика лысого. Чтобы это уяснить, достаточно было взглянуть разок в мерцающие алыми огоньками глаза четырехлапого киборга – Горгона Медуза и та, наверное, выглядела добродушной.

– Наша задача – прорваться и увести дампов за собой, – продолжил Егор. – Чтобы дать возможность уйти Алене и Тиму. Понял?

Кыс кивнул.

– Тогда поехали. Ты первым, я за тобой.

Егор поднял правую руку, в которой сжимал тесак, и жестом полководца указал направление. Киборг рыкнул и черной молнией вылетел из-за угла подвала. И началось то, по сравнению с чем «зимовка удильщика» показалась бы безобидным отдыхом на Южном берегу Крыма.

Дюжина полупьяных «мусорщиков», гурьбой спускавшаяся по пандусу к подвалу, явно не ожидала такой подлянки. И на мгновение замерла, выпучив свои, и без того жабы, буркала. А кто бы не замер, увидев в нескольких метрах гигантскую разновидность собаки Баскервилей с распахнутой пастью, из которой вылетает снап искр? Тут и в штаны наложить можно, а не то что зенки вылупить.

Впрочем, штанов дампы, как известно, не носят. Да и времени Кыс им не предоставил ни на «большие», ни на «малые» подвиги. В один прыжок сблизившись с «авангардом» противника на дистанцию «морда в морду», киборг изрыгнул целый фонтан пламени, опалив разом не меньше трех мутантов. А попутно ловким ударом когтистой лапы распорол ближнему дампу брюхо.

В воздухе сразу запахло горелым мясом. Кыс, как опытный шашлычник, тут же выпустил второй заряд, внеся и в без того не очень стройные ряды «мусорщиков» разлад и панику. А следом уже подбегал Егор с карающим тесаком. И, не тратя ни секунды на личное знакомство, провел урок фехтования для начинающих.

Р-раз! И, лишившись руки, завизжал арбалетчик, так и не успевший спустить тетиву своего грозного оружия. Еще – р-раз! И остался без башки зазевавшийся мутант с боевым

топором. А все потому, что прикрыл ладонью глаза, когда киборг извергал пламя из своего сопла. В результате «мусорщик» глаза сохранил, а вот башку нет. Обидно, но случаются в жизни и такие обломы.

Третьим пал на поле брани неповоротливый копейщик. Хотел ткнуть Егора в грудь, да слишком очевидно, и при том размашисто, получилось. Егор легко ушел от выпада и в ответ рубанул дампа по печени. После чего тема закрылась сама собой, и Егор перешел к «диалогу» со следующим «оппонентом».

Кыс, разумеется, тоже не прохлаждался, выполняя служебные обязанности с добросовестностью ударника коммунистического труда. Расстреляв огневой «боезапас», киборг прибегнул к одному из своих излюбленных приемов «коновала вызывали?». Это когда двумя верхними лапами цепляешь противника за грудки, а нижними распарываешь ему пах.

Прием технически непростой и требует хорошей координированности на уровне китайской гимнастики, но эффективный. Особенно, когда тебя берет за грудки реинкарнация собаки Баскервилей, увеличенная эдак раза в два по сравнению с оригиналом. Поэтому Кыс пользовался отработанным приемом при любом подходящем случае.

Особенное удовольствие киборгу – а он являлся большим гурманом – доставляло то, что во время проведения захвата возникала прекрасная возможность вцепиться противнику зубами в харю. И, разумеется, что-нибудь у него откусить. Нос, к примеру, очень неплохая закуска, если ты проголодался по ходу дела.

В общем, через какую-то минуту на поле боя царила картина ужасающего разгрома в духе самых мрачных произведений художника В.В. Верещагина. С полдюжины дампов издавали предсмертные хрипы и стоны, ерзая в крови и кишках, а вторая полдюжина уже находилась на пути в загробное царство. Что наводило на мысль о существенных недостатках организации боевой подготовки в клане «мусорщиков».

Однако основная причина разгрома крылась, скорее всего, в другом. А именно в том, что дампы элементарно перепились по случаю сразу двух праздников – новолуния и поминок. И когда под утро поступила команда «свистать всех наверх», большинство бойцов оказалось к ней не готово – как морально, так и физически. В отличие от Егора и Кыса, находившихся в отличной форме.

Милосердно отрубив башку слишком громко визжавшему дампу, Егор вытер пот со лба и изрек:

– Порядок! А ты, Кыс, как считаешь?

Но соратник не отозвался, с хрустом выгрызая содержимое туловища у распластавшегося на земле мутанта. Тот, судя по конвульсиям, еще пытался бороться за жизнь, но жестокосердного киборга это не волновало. Какое там милосердие, когда надо восполнить запасы биологического топлива? Ведь без него «огненного дождя» из организма не извлечешь.

Егор понимал озабоченность Кыса, поэтому сказал:

– Ладно, даю тебе десять секунд, чтобы подкрепиться. И надо отсюда валить.

Но едва он это произнес, как справа у развалин нарисовалась очередная «группа быстрого реагирования». Навскидку дампов в ней насчитывалось не менее десятка. И они успели заметить врагов, что сводило фактор внезапности к нулю.

«Пока сблизись, могут из арбалетов подстрелить, – подумал Егор. – Пьяные-то они пьяные, но с пяти-шести шагов трудно промахнуться. Прошьют болтом насквозь, потом уже не повоюешь».

Может, рвануть к затону? Нет, так нельзя. Вдруг Тим с Аленой сейчас где-то там? Притащим за собой «хвост» и все испортим».

– Кыс, кончай обжираться, у нас гости, – окликнул соратника Егор.

Киборг оторвал окровавленную морду от тела растерзанного мутанта, моргнул багровым глазом, словно посылая сигнал семафора, и облизнулся.

– Понял, – сказал Егор. – Праздник живота продолжается. Тогда атакуй их в лоб, а я попробую зайти с фланга. Если что – встречаемся у Стадиона.

* * *

Дорога из зарослей до входа на базу маркитантов, которую Алена назвала Стадионом, оказалась куда сложнее и дольше, чем предполагал Тим^[1]. Хотя навскидку вроде бы и рядом – рукой подать, особенно, если двигаться по прямой. Но идти напрямки оказалось невозможным. В первую очередь, из-за густых зарослей хищных дендромутантов.

После того как Алена потеряла сознание, доверие к кустам-кровососам у Тима резко пропало. Собственно, его и изначально было немного, и в одиночку Тим в пасть дендрам никогда бы не сунулся – не полный же он придурок, пусть и память отшибло. Это ведь такие упыри – если сумеют вцепиться в тебя несколькими шипами, то каюк настанет обязательно. И очень быстро – минута, и ты уже мумия.

Но Алена объяснила, что у нее есть специальный амулет. И заговоры она знает, чтобы дендры не трогали. А когда спросила: «Но мы ведь – вместе? Если что – и погибнем вместе. Все равно боишься?», то тут уж Тим отступить не мог. Какое может быть отступление, когда на тебя такими глазами смотрят – огромными, ярко-синими, с чем-то таким сверкающим изнутри, что и слов не подберешь; да еще и предлагают идти вместе до самого конца? Тут на жука-медведя с голыми руками поперешь, не то что в заросли дендров.

И дендры не подвели. Точнее, Алена не подвела – уломала как-то этих кровопийцев, уговорила, чтобы расступились и дали дорогу беглецам. В итоге им удалось укрыться от дампов. Однако тогда Алена еще находилась в сознании и контролировала дендров. Кто ж их, колючих мутантов, знает, как они себя теперь поведут, когда Алена отключилась напрочь?

Так подумал Тим и решил дальше в кровожадные заросли не лезть – обойти стороной. Вот и получился крюк. А когда обогнул «кровососов» и пошли обычные деревья, Тим все равно напрямик к Стадиону не полез – боялся натолкнуться на дампов. «Мусорщики» ведь тоже могут вокруг крепости маркитантов рыскать.

А еще Тим заметил стаю злобных рукокрылов, которые сидели, хищно нахохлившись, на карнизе высокой стены Стадиона. Позже они, правда, взмыли вверх и улетели куда-то на восток. Но ведь кто их, уродов, разберет, что у них в мозгах? Если вдруг вернуться и обнаружат на открытом пространстве, то, считай, покойник. А он ведь не один...

Вот и пробирался Тим за деревьями с беспомощной девушкой на руках, постоянно прокручивая в голове события последних часов. Так Алена ему посоветовала перед тем, как потеряла сознания. Мол, ты напрягай постоянно свою память, чтобы она в мозгах сохранялась, а не пропадала. А там, глядишь, может, и всплывет чего из твоего прошлого. Ведь раньше ты помнил больше.

Но ничего не всплывало. Воспоминания словно отрезало – до того момента, когда он очнулся в подвале у «мусорщиков». Вот с этого момента он помнил события более-менее

четко. Тут память его не подводила. По крайней мере, так ему казалось.

Значит, как получается? Вот он приходит в себя около подвальной стены и видит Алену и Егора. Вернее, сначала он видит светловолосую девушку в рваном платье и здорового громилу в кольчуге. В тот момент Тим вообще ничего не помнит – даже собственного имени – и никого не узнает. Но девушка утверждает, что ее зовут Алена, а Тим недавно спас ее от мохначей. Об этом Алена рассказывает громиле, которого зовут Егор. И он, как выяснится позже, ее брат.

Потом они вместе пытаются выбраться из логова дампов. Им помогает Кыс – пескиборг. Но Алена получает ранение в бедро дамповской стрелой. Егор и Кыс вступают в схватку с «мусорщиками», отвлекая их. А Тим, взяв раненую Алену на руки, прорывается из подвала через другой выход.

По дороге они убивают колдуна Ашаба и двух его прислужников. И бегут к затону, на берегу которого находится логово дампов... А, чуть не забыл. Алена снимает с шеи колдуна цепь из желтого металла. Как же Алена его назвала?.. Ага, золото... Зачем ей понадобилась эта блестящая цепь? Бесполезная вещь, если подумать. Ну, неважно...

Потом он грохнул сторожевое охранение дампов на причале, и они с Аленой переправились на лодке на другой берег. Где и спрятались в зарослях дендров. Алене становилось все хуже, она потеряла много крови. И тогда они решили идти к Стадиону, где окопались Тушинские маркитанты. Потому что иначе Алена могла умереть.

Вот, собственно, почти все, что он помнил и знал. Не густо, чего и говорить. Он даже не знал толком, кто он такой. Алена успела предупредить, чтобы он говорил всем, что они лесные люди – он и Алена. Мол, иначе маркитанты решат, что он мутант.

Только вот загвоздка – о том, кто такие лесные люди, Тим не имел ни малейшего представления. И вряд ли он сам был из «лесных». Но кто же он тогда?

Алена об этом сообщить не успела. Как и о том, что у Тима случилось с памятью. Лишь вскользь пояснила, что у него что-то вроде болезни. И что к этому причастен шам Пуго, который живет у дампов. Он что-то сделал с сознанием Тима, отчего тот все забыл. Хотя и раньше не так уж и много помнил.

Алена сообщила это мимоходом, когда они удирали от дампов и перебирались на лодке через затон. Она сказала, что проблемы с памятью у Тима должны пройти – мол, это все временно. Однако не уточнила, когда именно это пройдет. И в настоящий момент Тим почти ни черта не помнил. Ну совсем ни черта, как бестолковый и тупой хоммут.

И Алена без сознания. Где же этот вход для людей, о котором она говорила? Она сказала – с той стороны Стадиона. И еще махнула рукой – вон там...

И вскоре Тим, наконец, обнаружил то, что искал.

Сначала он заметил фигуру безголового мужика. Да и как такую хрень не заметить? Мужик был ну просто очень здоровенным, пусть и без башки. Ясное дело, что мутант. Даже не мутант, а, скорее, киборг, но уж очень большой.

В одной руке он держал щит, а в другой что-то похожее на меч. Ногами киборг опирался на шар, а тот, в свою очередь, покоился на пирамиде. Всю фигуру до самого шара сплошняком покрывала густая ржавчина...

Тим не понимал, для чего понадобилось изготавливать из железа подобного громилу. Не соображали, что ли, что оно потом заржавеет? Извели добро, одним словом. А ведь можно было столько оружия отковать!

Киборг, или кто он там, находился от Стадиона в стороне. А вот непосредственно перед

северной стеной строения высилась мощная баррикада из нескольких покоренных машин, обломков бетонных плит, кирпичей и прочего строительного мусора.

В центре оборонительной линии были возведены примитивные ворота, состоявшие из одной стальной створки. Сама створка, видимо, некогда являлась частью обшивки биоробота. Местные спецы присобачили стальной лист диаметром четыре на три метра к стальной же опоре, и получилось вполне себе фундаментальное сооружение.

С правой стороны опоры маркитанты прицепили стальной лист форматом поменьше, заменявший калитку. Когда Тим приблизился к баррикаде, держа на руках бесчувственную Алену, калитка была приоткрыта. Это, впрочем, ничуть не свидетельствовало о безопасности охраны – ведь пространство перед баррикадой представляло собой пустырь и просматривалось во все стороны метров на сто, а то и больше.

Непосредственно у входа стояли два охранника. Еще один расположился левее и выше – в кузове большой машины. Из-за ее борта торчал ствол крупнокалиберного пулемета.

Строго говоря, Тим не был уверен, что это именно пулемет. Его познания в автоматическом оружии на данный момент исчерпывались куцыми сведениями, полученными от Алены. Это она предупредила Тима перед тем, как потерять сознание, чтобы он не наделал глупостей при встрече с маркитантами.

Учти, сказала Алена, – у маркитантов есть автоматическое огнестрельное оружие, которое убивает на большом расстоянии. Стреляет оно железными шариками, которые вылетают из железных трубок. Их называют стволами. Шарик летит куда быстрее арбалетных болтов, не говоря уже о стрелах, выпущенных из лука. Глазом не успеешь моргнуть, а тебя уже продырявило. И все, труп.

Еще Алена объяснила, что огнестрельное оружие бывает разным. Самыми толстыми шариками стреляет пулемет – у него и ствол толще. Автомат меньше размером и пули у него меньшего диаметра. А еще есть карабин, который внешне походит на автомат, но стреляет медленней, чем автомат. В общем, как ружье.

Что такое «ружье», Алена не объяснила. Да и в целом Тим мало что понял. Лишь усвоил, что маркитанты могут запросто подстрелить тебя издалека из своих трубок. И надо держать ухо востро. Вот и все.

Поэтому, увидев толстую и длинную трубку, торчащую из кузова, Тим сначала решил, что это ствол автомата. И лишь переведя взгляд на охранников, изменил мнение. Потому что у них имелись штуки, подпадающие под описание, данное Аленой. Но стволы у «штук» были тонкие, с палец. Вот тогда Тим и подумал, что в кузове, наверное, установлен пулемет. А у охранников – автоматы. Ну, или карабины. Где тут с ходу-то разобраться?

Мужики у калитки смотрели на Тима и его спутницу с ленивым недоумением. Один из них – с аккуратной бородкой, курил сигарку, а второй, в забавном головном уборе с козырьком, позевывал с осовелыми глазами. Именно он первым отреагировал на появление странной парочки, крикнув:

– Эй, стоять! А то стреляю! – И наставил ствол своего оружия на Тима.

Тим сразу притормозил, держа в уме летающие металлические шарики. До ворот оставалось всего ничего, а это означало, что он достиг конечной точки маршрута. И в этот момент Тим вдруг понял, что не знает, как завести разговор, и что именно говорить. Растерялся, короче говоря. Но, похоже, никто и не ждал от него вступительной речи.

– Откуда ты, чучело? – начал допрос тип с осовелым взглядом.

Обращение не понравилось Тиму – в нем сквозило если и не презрение, то

пренебрежение. Но Тим не знал, что такое «чучело», и решил раньше времени не задираться.

– Оттуда, – сказал он, неопределенно мотнув головой. – Не стреляй. Мы это...

– Чего это? Говори ясно – кто такие? А не то продырявлю, как дуршлаг.

– Мы – лесные люди. – Тим решил один к одному следовать наставлениям Алены.

Главное, не запутаться.

– Лесные? – В мутном взгляде «осовелого» промелькнул интерес. – А что же ты так одет, «лесной»?

– Как?

– Да как чмо болотное. В первый раз такое чудо вижу. Нет, Степан, ты глянь – прямо дикарь какой-то.

Степан с сигаркой хмыкнул, но от комментариев воздержался.

– Нормально я одет, – буркнул Тим. – На нас неонапали. В общем, отбиваться нам пришлось.

– И чего? Они с тебя что – рубаху сняли? А обмотки-то... Нет, Степан, ты глянь – как у «мусорщика» обмотки. А еще говорит, что «лесной». Лесные люди так не одеваются.

– Да хватит тебе, Фрол, к одежде цепляться, – сказал Степан. – Какая разница, в чем он одет? Может, ему жарко? А вот девка у него точно на лесовичку смахивает. – Сделав последнюю затяжку, он щелчком отправил окурок в лужу. – Эй, парень, тебя как зовут?

– Тим.

– Тим? – Степан почесал лохматый затылок. – Тимофей, что ли?

Тим промолчал, но на всякий случай кивнул. Тимофей, так Тимофей – если у них так заведено.

– Понятно, – сказал Степан. – А с девкой твоей что? Она хоть жива?

– Жива. Ранили ее. Неона.

– Ранили, значит, мохнатые. Копьем, что ли?

Тим опять кивнул. Копьем, так копьем.

– Понятно. А чего сюда приперлись?

– Некуда нам больше идти.

– Как это некуда? – вмешался Фрол. – Валите к себе в острог. А то ходят тут...

– Да заткнись ты, – с раздражением оборвал Степан. – Совсем с похмелья отупел? Забыл, что их острог capitoлийцы под чистую разорили?

– А-а, – сказал Фрол. – Вот оно что. И, вправду, забыл.

– Значит, идти вам некуда? – спросил Степан.

– Некуда, – подтвердил Тим. – И нам бы это... Видите, ранена она. Нам бы лекарство какое, срочно. Умереть она может.

– Это понятно, что может. Только ведь у нас, парень, не богадельня.

Степан с прищуром взглянул на Тима. Тот в растерянности молчал. Какая еще богадельня? И при чем тут она? Алена умирает, ей надо помочь. Чего они хотят?

– И чего? – спросил тихо. Просто потому, что не придумал ничего иного.

– Ты что, тупой? – возмутился Фрол. – Тебе ясно сказано – у нас не богадельня. Мы маркитанты. В долг не даем, даром ничего не делаем. Если нет денег – то проваливайте. Нет, Степан, ты только глянь на них. Последний раз спрашиваю: деньги есть?

– Деньги? – повторил Тим.

– Ну да.

Тим молчал. Деньги... Алена о деньгах ничего не говорила.

– Ну, или золото, – сказал Степан. – Серебро тоже можно. Но лучше золото. Золотишко есть, Тимофей?

И тут Тима осенило. Золото! Есть же у них этот желтый металл. Только где же он?.. Женщины любят золото, сказала Алена...

– Так что, Тимофей? – повторил Степан. – Как насчет золотишка?

Тим вспомнил.

Ему было неловко, очень неловко. Как будто он совершает нечто очень постыдное. Но что же еще делать?

Сгорая от стыда, он, изловчившись, залез одной рукой Алене за пазуху. И, нащупав, вытащил оттуда золотую цепь – ту самую, снятую с шеи колдуна Ашаба.

Глаза Степана алчно блеснули. А Фрол, как раз начавший зевать, так и застыл с открытым ртом.

– Ого! – воскликнул Степан. – Ты где такое взял, парень?

– Это наше, – сказал Тим.

– Да какая разница, где взял! – Фрол, наконец, обрел способность говорить. – Где взял, больше уже нету. Давай сюда, Тимоха.

Он шагнул к Тиму и протянул руку, но Степан быстро хлопнул по ней ладонью.

– Убери грабли.

– А чего?

– А того – не по Сеньке шапка. Этот вопрос пусть Гермес решает.

Переведя взгляд на Тима, Степан вкрадчиво заговорил:

– Значит, вам, как я понял, нужны приют и лечение?

– Да, – выдохнул Тим. Наконец-то они его поняли!

– Сделаем, Тимофей. Оплатить у вас есть чем. Сейчас вас отведут к нашему старшине, он все и порешает. Заметано?

– Куда заметано? – уточнил Тим.

Брови у Степана выгнулись дугами – он явно озадачился. Но вместо напарника отреагировал Фрол.

– Придурок, сразу видно, – сказал маркитант и смачно сплюнул под ноги. – Они там в своем лесу совсем отупели. Не пойму, чего ты...

– Заткнись, – оборвал Степан. – Тимоха, у тебя с головой все в порядке? Какой-то ты...

– В порядке, – сказал Тим. – Но не совсем. Меня это, по голове сильно ударили. Дубиной.

– Теперь понятно. Сотрясение мозгов, бывает, – констатировал Степан. – Меня тоже один раз отоварили. Так я два дня не мог вспомнить, как меня зовут. Итак, объясняю. Заметано, это значит – договорились. Понял?

– Понял.

– Так мы договорились?

– Да, – сказал Тим.

– Вот и ладно. Фрол, проводи наших гостей до Гермеса. Доложишь, что я послал. Только не дыши на него перегаром. А то сам знаешь...

– Знаю, – пробурчал Фрол. Потом, зыркнув на Тима, показал рукой: – Слышал, что сказано? Ступай сюда, отведу вас к старшине. Только сначала меч отдай.

Тим подошел к Степану и повернулся к боком, чтобы не опускать Алену на землю. Степан снял с него перевязь вместе с ножнами и мечом. Цокнув языком, сказал:

– Ничего себе у тебя бастард, Тимоха. Отличная работа. – Он хитро прищурился. – Твой клинок или подобрал где?

– Мой, – сказал Тим. Подумав – ага, скажешь, что чужой, и фиг потом вернешь. – У тебя тоже отличное оружие. Карабин?

– Это автомат, паря. Совсем ты ничего не рубишь – карабин у Фрола. Ладно, двигай вперед.

Тим приблизился к калитке и остановился. Будто торкнуло что-то в груди. Обернувшись, он посмотрел на пустырь и уткнулся взглядом в гигантскую фигуру безголового монстра. Она торчала на пустыре, как указательный палец, направленный в рассветное небо.

– Ты чего застрял? – спросил Фрол. – Топай, давай, чудило.

– А кто это? – вырвалось у Тима неожиданно для него самого.

– Где? – не понял охранник.

– Вот этот, без головы. Это кто – мутант?

– Какой еще мутант? – Маркитант криво усмехнулся. – Эх, деревня. Сразу видно, что из леса. Да это же Спартак.

– Спартак?

– Ну да. Крутой боец в Москве до Войны жил. Говорят, мочил всех подряд. Вот ему памятник и поставили, Спартаку этому. Ну, давай, Тимоха, топай – некогда мне с тобой лясы точить.

«Спартак, значит, – подумал Тим. – Спартак...»

Неясное воспоминание шевельнулось в глубине его сознания – и тут же растворилось в беспросветной тьме.

Тим прижал Алену к груди и боком пролез в узкий проем. Фрол вошел следом и со скрежетом притворил калитку...

Они очутились во дворе. Его образовывали отвесная стена Стадиона – она вздымалась в трех десятках метров впереди – и баррикада, которую Тим только что миновал. Услышав позади скрежет закрываемой калитки, он непроизвольно обернулся и наткнулся взглядом на мрачную физиономию охранника.

– Шуруй вперед, – сказал тот и махнул рукой. – Туда. И без резких движений. Все по моей команде. Понял, чудило?

– Понял, – послушно отозвался Тим. Какие тут резкие движения? Сориентироваться бы для начала и понять, что здесь к чему... Да и зачем дергаться, если он добровольно явился к маркитантам, и цель у него сейчас лишь одна – спасти Алену?

Тим медленно двинулся в направлении, указанном Фролом, попутно изучая обстановку. Двор, относительно широкий и очень длинный, тянувшийся вдоль стены, был пустынен – в полном смысле слова: ни людей, ни строений, ни какой-либо техники вроде ржавой машины на гусеницах. Даже деревца ни одного – пустырь, короче.

Выглядело это странно, и Тим в первую секунду подумал: «На фига столько пустого места?» Но потом сообразил, что пустырь между Стадионом и баррикадой может являться частью оборонительных сооружений маркитантов, своеобразной ловушкой. Противник, прорвав первую линию укреплений, окажется на открытом пространстве, где превратится в отличную мишень. И тогда останется либо отступать, либо с ходу штурмовать основные укрепления. Да вот только кому под силу такая задача?

База маркитантов выглядела настолько внушительно, что Тим уважительно покачал головой. Надо же! Ну и здание – это ж надо было умудриться построить подобное. Только вот

зачем?..

– Ты чего там бормочешь? – с подозрением в голосе спросил охранник.

– Ничего, – сказал Тимур. – Этажи считаю.

– Ты еще и считать умеешь? Ну и ну... И сколько насчитал?

– Четыре. Кажется. А для чего такое построили?

– Для того, чтобы всякие дебилы вопросы задавали. Топай дальше, нечего пялиться по сторонам.

Но Тим, разумеется, продолжал наблюдать и сопоставлять, впитывая информацию, как губка. Не то чтобы очень старался, а выходило как бы само собой. Возможно, что его мозг пытался таким способом заполнить огромные пустоты, образовавшиеся в памяти. И включил, так сказать, компенсационный механизм.

Тим ни о каком компенсационном механизме, разумеется, не слышал. Просто смотрел и запоминал. Тем более что они, повернув направо, двинулись вдоль наружной стены Стадиона. И у Тима появилась возможность рассмотреть все в деталях. Одновременно с этим процессом в его сознании всплывали некоторые непонятные слова, которым Тим сам удивлялся.

В прежние времена стена была обшита ромбовидными панелями из пластика (что такое «пластик», Тим не знал, но причудливая память подсказала именно такой термин) – кое-где они сохранились и висели, похожие на заплатки. Но большая часть панелей давно обвалилась, оголив ребра гигантской четырехъярусной конструкции из бетона и железа. Ее нижние проемы маркитанты заложили обломками кирпича и прочим строительным мусором, превратив первый ярус в неприступную крепостную стену десятиметровой высоты. А вот верхние ярусы строения зияли прямоугольными бетонными проемами, вызывая ассоциацию с огромными сотами.

Сейчас там шла своя жизнь, подчиненная своей внутренней логике. Тим насчитал около дюжины бойцов, рассредоточенных на разных этажах. Кое-кто из них прогуливался по плитам перекрытия, кто-то стоял на месте, прячась в тени бетонных опор. Все, как и Фрол, были вооружены легким стрелковым оружием. Но не только им.

Тим успел заметить несколько пулеметов – примерно такого же типа, как и пулемет, установленный у входа на базу. Стальные стволы торчали из амбразур, готовые уложить врага еще на подходе к Стадиону, и наверняка были пристреляны к точкам на местности. Вот и попробуй штурмовать такую крепость...

Тиму больше не казалось, что он идет через пустырь. Хотя двор по-прежнему оставался безлюдным, но это впечатление являлось обманкой. За любым существом, появившемся на голом пространстве между баррикадой и стеной Стадиона, постоянно велось наблюдение. И не одной парой глаз.

Тим понимал, что лично ему сейчас ничто не угрожает, но все равно ощутил в груди неприятный холодок. Да, это тебе не с дампами воевать, у маркитантов все круто. Даже меч вытащить не успеешь, прихлопнут, как муху, еще на дистанции. Интересно, на какое расстояние стреляет оружие с такими стволами? Вот бы раздобыть при случае. Тогда бы он...

– Стоп, Тимоха, – скомандовал Фрол. Затем обогнул Тима и открыл малоприметную дверь в стене. – Давай за мной.

Тим зашел следом за Фролом, продолжая прижимать к груди Алену. Они очутились в темном помещении, освещенном факелами. Вверх вела широкая лестница с бетонными

ступенями, около нее находились двое охранников. Один стоял у начала лестницы, положив правую ладонь на приклад карабина; на голове шапочка с козырьком, как у Фрола. Второй охранник – с круглым, как блин, лицом – сидел на деревянной скамейке и лузгал семечки.

– Мы к Гермесу, – сказал Фрол. – Эти двое со мной.

– Кто такие? – с ленцой спросил «круглолицый».

– Из лесных людей они. Тебе-то, Хряп, какая разница? – в голосе Фрола просквозило раздражение. – Сказано же тебе – они со мной.

– А к Гермесу им зачем?

– Вот это не твое крысособачье дело. Мне Степан велел их до старшины отвести. Ясно? Если не фиг делать, ступай и сам доложи Гермесу.

– А чего ты в бутылку лезешь? – Хряп зевнул. – Я на посту стою, положено отчет спрашивать. Не положено кого ни попадя в резиденцию пропускать. Сам знаешь, какой Гермес.

– Знаю, – сказал Фрол. – И вижу, как ты стоишь. Небось, уже всю жопу за ночь отсидел?.. Так мы сами пройдем, или ты сбегашь и доложишь?

Хряп нехотя полупривстал, но, так и не разогнув ноги до конца, снова опустился на скамейку. После чего закинул в рот очередное семечко и пробурчал:

– Тоже мне, нашел шестерку. Сам и докладывай.

– Спасибо за доверие, – съязвил Фрол. – За мной, Тимоха.

Они поднялись по лестнице и оказались в большом овальном зале. В отличие от нижнего помещения, которое они только что миновали, зал ярко освещали лучи утреннего солнца. Оно светило прямо в глаза, поэтому Тим прижмурился и почти тут же остановился, пораженный открывшейся перед его взором картиной.

Задней стены у зала не было, как и большей части потолка. Наверное, когда-то сюда упала бомба, оставив после себя здоровенный пролом. Сам по себе он не произвел на Тима особого впечатления. Ну, дырища в потолке, ну, глубокая воронка под ногами – подумаешь! Тима поразило не пролом, а то, что он увидел через него – внутреннее пространство Стадиона.

Это не самое точное определение – *пространство* – возникло у Тима из-за того, что другого просто не пришло в голову. И не могло прийти, потому что ничего подобного он раньше не встречал – ни в нынешней, ни в прошлой жизни, о которой сейчас мало что помнил. Вот почему Тим оторопел – картинку он видел, но сознанием она воспринималась с трудом.

Внутри *пространства* находилась широкая и длинная площадь. Она начиналась, как показалось Тиму, чуть ли не от границ пролома и уходила в глубину Стадиона на сто с лишним метров. По периметру площадь окружала странная конструкция в форме вытянутого круга, которая поднималась вверх горизонтальными уступами – ступеньки не ступеньки, но что-то вроде того. Уступы, короче.

Непонятная и загадочная получалась конструкция. На взгляд Тима – вообще бессмысленная. На уступах-ступеньках можно было разместить очень много народу. Так много, что в голове Тима подобное количество не укладывалось – не хватало воображения. И где столько народу возьмешь? Наверное, даже если согнать сюда мутов со всей Зоны Москвы, и то свободное место останется.

– А зачем такое построили? – не удержавшись, спросил Тим у охранника.

– Какое? – высокомерно отозвался Фрол.

– А вот это. – Тим мотнул головой. – Для чего эти уступы?

– Ну, ты и деревня. Для зрителей, конечно. Это называется «трибуны».

Слово «зрители», как и слово «трибуны», ничего не говорило Тиму, и он рискнул поинтересоваться:

– А что они делали?

– Кто?

– Зрители эти на трибунах.

– Как что? Сидели и смотрели. – Охранник покосился на Тима и снисходя к его непроходимой дремучести, пояснил: – Тут раньше в ногомач играли. Игра такая: люди бегают по полю и пинают по мячу. А другие смотрят и болеют – фанами их называли.

– А почему эти фаны болели?

– Как почему? Ну, ты совсем тупой-ой... Ставки, наверное, делали на победителей. Кто угадает результат, тот получает деньги. Тотализатор называется.

– А эти, которые пинали... Им тоже деньги давали?

– Тем, кто победил, наверное, давали. А тем, кто проиграл... Не знаю, короче. Может, и в жертву их приносили. Короче, это типа гладиаторских боев было, только немного по-другому. Понял, лесной человек?

– Да, – соврал Тим.

На самом деле он почти ничего не понял. Но дальше уточнять не рискнул, чтобы лишний раз не злить и без того злого Фрола. Какой-то там ногомач... Одни пинают по этому мячу, другие зачем-то смотрят и от этого болеют. Их что, пытали таким образом? Да еще фаны какие-то с гладиаторами, жертвоприношения...

Нет, это выходило за границы его понимания. Хотя следовало признать, что и границы были очень узки. Что-то случилось с его памятью совсем недавно. И он многое забыл. Да что там многое? Почти все. А с Аленой толком переговорить не успел. И теперь...

Он посмотрел на лицо девушки. Оно выглядело очень бледным, даже серым. И безжизненным. Но Тим чувствовал, что она дышит. И ощущал, как бьется ее сердце, потому что крепко прижимал Алену к груди. По крайней мере ему так казалось, что ощущает...

– Сюда, Тимоха, – велел Фрол.

В обе стороны от разрушенного бомбой зала тянулся коридор. Они повернули налево. Но прошли немного – сделав с десяток шагов, Фрол остановился перед закрытой дверью и сказал, выразительно покачивая ладонью:

– Давай.

– Чего давай? – не понял Тим.

– Цепь свою давай, золотую.

– Зачем?

– Ты чего, дурак? Я ее Гермесу покажу.

– Нет, – сказал Тим. – Степан сказал: не по Сеньке шапка. Этот вопрос пусть Гермес решает. Заметано?

Фрол выкатил глаза и приоткрыл рот. Судя по багровевшей физиономии, ему явно хотелось сказать Тиму что-то проникновенное. Однако нужных слов не находилось. Пожевав губами, охранник тяжело выдохнул и буркнул:

– Ну, смотри, я хотел, как быстрее. Ладно, чудило, стой здесь. Я старшине доложу.

Затем он два раза сильно стукнул кулаком в дверь и тут же приложил к ней ухо. Тим уха не прикладывал, но все равно расслышал, как в комнате рывкнул мужской голос. Фрол

поправил на голове шапочку с козырьком и, многозначительно покосившись на Тима, с напряженным лицом зашел в комнату.

Дверь он захлопнул за собой, и Тимур вдруг занервничал. Возможно, он поступил неправильно, не отдав Фролу золотую цепь? Теперь все может затянуться... Но и Фрол не очень хороший парень. Грубо разговаривает и глаза мутные. Нельзя ему доверять. Может, просто зайти следом и самому переговорить с этим самым, как там его?..

Тут дверь распахнулась, и на пороге появился высокий пузатый мужик с аккуратной бородой. Одет он был примерно так же, как и остальные маркитанты, которых Тим до этого успел увидеть: в синие трикотажные штаны, вытянутые на коленках, и черную кожаную куртку с застежкой-молнией. На ногах – низкие ботинки из мягкого материала и с толстой прорезиненной подошвой.

В общем, типичный браток середины девяностых годов XX века в трениках и кроссовках марки «Адидас» – только биты в руках не хватает. Но Тим в те легендарные времена никогда не жил, поэтому никогда не слышал ни о братках, ни о трениках. Ни, тем более, о каком-то Адидасе. Лишь подумал, что было бы неплохо обзавестись такой же одежкой. Удобно в ней, наверное. А то он в своих лохмотьях...

Додумать не успел, потому что мужик, остановившись в метре от Тима с Аленой, отрывисто спросил:

– Эти, что ли, «лесные»?

– Они самые, Гермес, – подтвердил Фрол, возникая вслед за мужиком из дверного проема. – Вот это Тимоха, а это... Ну, девка, в общем, его. При смерти она, похоже.

– Это Алена, – сказал Тим. – Она не при смерти. Но сильно ранена. Вы должны ей помочь. Мы...

– Мы вам ничего не должны, парень, – резко оборвал старшина. – А вот вы уже наши должники, потому что приют получили. Фрол сообщил, у тебя золото есть? Где оно?

– Вот, – сказал Тим. Он опустился на одно колено, чтобы не класть Алену на пол, и вытащил из напоясной сумки золотую цепь колдуна Ашаба.

Гермес присвистнул. Затем осторожно, даже трепетно, забрал у Тима цепь и поднес к глазам. Несколько секунд крутил ее туда-сюда, рассматривая с разных сторон. После чего достал из кармана куртки маленькую пилочку и несколько раз шоркнул ею по одному из звеньев. Снова поднес к глазам. Цокнул языком. И ловким движением засунул цепь к себе в карман.

– Э-э, – протянул Тим, поднимаясь на ноги. – А-а...

– Все в порядке, Тимофей, – успокоил старшина. – Сколько ты хочешь за эту штуку?

Тим не понял вопроса. Что значит – сколько? Поэтому сказал:

– Я хочу, чтобы вы вылечили Алену. И как можно скорее.

– Всё?

Тим подумал:

– Нам нужна еда.

– Покормим. Что еще?

Тим пожал плечами. Что еще? Главное, чтобы они вылечили Алену. Ну и поесть, конечно, не мешало бы. А что он еще может попросить в обмен за эту цепь из желтого металла? И тут он вспомнил:

– Мне бы одежду какую. Вот, как у вас.

– Как у меня? – Старшина хмыкнул. – Ну, как у меня не обещаю – не положено. Но срам

прикрыть что-нибудь найдем... Ладно, Тимоха. Я вижу, что ты парень простой. Люблю таких. Мы с тобой договоримся. По рукам?

И он протянул Тиму правую руку.

– По рукам, – сказал тот, неуверенно протягивая навстречу ладонь.

– Вот и заматано. – Гермес шлепнул Тима по ладони своей ладонью. – Договор скреплен.

Он перевел взгляд на Алену. Затем аккуратно, двумя пальцами, приподнял ей веко. Неодобрительно покачал головой.

– Кто ее так?

– Нео, – ответил Тимур, твердо придерживаясь ранее выбранной версии. – Мохначи, то есть.

– Изуродовали девку. Ну, ничего, оклемается... Фрол, отнеси ее в лазарет, пусть ею тут же займутся. Скажешь, я велел.

– Может, я сам отнесу? – спросил Тим.

– Нет, Тимоха, здесь уже без тебя справятся. – Старшина криво улыбнулся. – Не переживай, заштопаем твою Алену, будет, как новенькая – маркитанты товаром не разбрасываются. А у нас с тобой другие дела найдутся... Да и нельзя тебе в лазарет в таком виде. Разведешь антисанитарию, а у нас с этим строго... Фрол, вот еще что – найди там Марфу, пусть срочно идет ко мне...

Марфа оказалась черноволосой женщиной среднего возраста в самом соку – иными словами, рослой и пышной. Некоторые элементы ее впечатляющей фигуры «а ля Рубенс» прямо-таки распирали юбку и кофточку, отчего возникало ощущение, что одежда в любой момент может треснуть по швам. Тим, естественно, не имел ни малейшего представления о рубенсовских женщинах, да и вообще на тот момент мало чего понимал в слабом поле, поэтому просто подумал: «Ого!»

А еще его поразил запах, исходивший от Марфы. Это был запах чистого и здорового тела с примесью цветочной воды, и он Тиму очень понравился. Даже в носу засвербило от такого удивительного запаха, и Тим едва не чихнул.

Однако пышная Марфа со своим удивительным запахом появилась не сразу. До того Гермес завел Тима в свою комнату и, удобно развалившись в кожаном кресле, начал расспрашивать. В основном, нажимая на вопросы, касающиеся лично Тима: мол, кто такой и откуда, чем занимался и как сюда попал.

Тим отвечал односложно, опасаясь ляпнуть чего-нибудь лишнего. Но даже если бы сильно захотел, то не смог бы рассказать много. Ведь в его сознании присутствовали лишь события последних часов.

Вот почему Гермес от него ничего путного не услышал, за исключением однообразно повторяемого: «Мы – лесные люди», «Мы жили в лесу», «На нас напали нео», «Мы дрались с нео и убежали от них». И всё. На уточняющие вопросы Тим лишь пучил глаза и отвечал: «Не помню, меня сильно ударили по голове».

Такое поведение Тима изрядно озадачило старшину. И он вдруг задал совсем странный вопрос: «Тимоха, почему днем светло, а ночью темно?» – не иначе как решил, что Тим полный идиот.

Тим чуток подумал и ответил: «Потому что днем на небе есть солнце, а ночью нет».

Гермес облегченно хмыкнул и спросил: «Почему у людей на руках всегда пять пальцев, а

у мутантов разное количество?»

Вопрос был очень сложным. Наверное, на засыпку. Но Тим с ним справился, заявив: «Потому что они мутанты. Вон у вас на площади памятник мутанту стоит – так у него вообще головы нет».

Старшина в изумлении задрал брови, но как раз в этот момент в комнату зашла пышнотелая Марфа. И допрос прекратился. Зато началось другое – в какой-то степени более интересное. Но не особо понравившееся Тиму.

Когда Марфа появилась, то Гермес заявил:

– Ага, хорошо. Познакомься, Тимоха, это наша Марфа-ключница. – Наклонив голову, он внимательно посмотрел на Тима: – Ключница, понимаешь?

– Нет.

– Ну, каптенармус наш... Тоже не слышал?

– Нет, – искренне признался Тим. – А что это такое – кап... капе...

– Не что, а кто. Ладно, не ломай язык. Для тебя она просто ключница. Короче, Марфа у нас заведует хозяйством. А сейчас займется тобой. Марфа, Тимофей у нас, вроде бы, из общины лесных людей. Но я в этом не уверен.

– Почему? – спросила Марфа, с любопытством косясь на незнакомца.

– Потому что он почти ничего не помнит. Говорит, по голове сильно ударили. Осмотри его, как следует. На предмет всего там... В общем, как следует. Ну, ты понимаешь... – И он подмигнул ключнице.

– Понимаю, – сказала Марфа, окидывая Тима пристальным взглядом. Тот аж засмутился немного. – Грязный он только очень. Сполоснуть бы его... хотя бы из шланга.

– Успеем. Ты глянь пока так... хм... по основным параметрам. Тимоха, сними с себя эти лохмотья.

– Всё снимать? – уточнил Тим.

– Разумеется, всё. Тут и снимать нечего. Только вон там, у стены. – Гермес с брезгливым выражением показал пальцем в угол за дверь.

Тим отошел к стене и разделся. Снимать, и в самом деле, было почти нечего – подсумок с поясом, набедренную повязку, да по паре тряпичных обмоток с каждой ноги. Ну и примитивные сандалии с резиновыми подошвами из автомобильных протекторов тоже снял – уж раздеваться, так раздеваться. Сложил все это добро в углу и развернулся лицом к маркитантам в самом что ни на есть натуральном виде – в том, как говорится, в чем мать родила. Разве что шнурок с зубом не снимать не стал – какая же это одежда?

У Гермеса, как только Тим развернулся, сразу отвисла челюсть. И лицо поскучнело. А вот у Марфы, наоборот, лицо оживилось, а глазки аж прямо заблестели.

– Однако! – воскликнула она. – Вот это жеребец!

– Ты это, эксперт хренов, – сказал старшина. – Пока воздержись от комментариев. Осмотри и все.

– Молчу, как рыба, – ответила ключница, приближаясь к Тиму. – Встречается же подобное. Знала бы, давно бы к «лесным» ушла жить. Тим, у вас там все такие?

– Какие? – спросил Тим. Сам он не чувствовал себя каким-то особенным. Но напрягся. Он помнил предупреждение Алены о том, что его могут принять за дампа. Но это могло случиться из-за дамповских обмоток. Их он снял. Чего же такого подозрительного обнаружила Марфа?

– Такие, – ответила Марфа. – Дремучие и с дубинами. – И почему-то хихикнула.

Осмотр продолжался несколько минут. Марфа требовала, чтобы Тим поворачивался разными сторонами тела, приседал и нагибался. Трогала и тыкала его указательным пальцем в разные места. А напоследок еще и велела широко открыть рот и высунуть язык, чем очень удивила Тима: неужели она думает, что он что-то прячет во рту?

Однако Тим беспрекословно выполнял все распоряжения. Осмотр показался вполне безобидным занятием и даже отчасти забавным. А он-то уж было подумал, что его будут пытаться. А тут одна ерунда. Повернись туда, наклонись сюда... Даже не щекотно. Хотя и немного утомительно.

Но ключница, похоже, совсем не утомилась. Напоследок она шлепнула Тима по ягодице и бодро объявила:

– Здоров, как молодой фенакодус. Есть несколько ран, но они уже затянулись. И никаких аномалий.

– Уверена? – с задумчивым прищуром спросил старшина.

– Гермес, я же не слепая. Что я, здорового парня от больного мута не отличу?

– Отличишь, – согласился Гермес. – Тут тебе равных нет... Ладно. Тимоха, ты вот что – выйди пока в коридор и постой там. Я тебя потом позову.

– А одежда? – спросил Тим.

– Замерз, что ли?

– Нет. Но ты обещал мне одежду.

– Хорошая у тебя память, оказывается, – с насмешкой отозвался старшина. – Если Гермес что обещал, то всегда выполнит. Побудь пять минут голышом, не растаешь.

– А меч вернешь? – спросил Тим.

– Меч? У тебя был меч?

– Да, был. Ваши охранники у ворот забрали.

– Я выясню. Значит, ты умеешь драться на мечах?

– Конечно, умею, – без колебаний твердо заявил Тим. А чего колебаться, если он под утро зарубил с полдюжины дампов? Уж это-то он хорошо помнил. – Так вернешь?

– С мечом чуть позже разберемся. Давай пока в коридор, боец.

Едва Тим вышел, закрыв за собой дверь, как Гермес поманил Марфу пальцем. Когда та, покачивая бедрами, приблизилась, негромко спросил:

– Значит, ты уверена, что он не мут?

– Не сомневайся. Отличная человеческая особь, никаких признаков мутации. Молодой, здоровый, сильный. Просто красавец. Я его сверху донизу прощупала.

– Да уж, видел я, как ты его щупала.

– А чего не пощупать, если есть за что? – Ключница хохотнула. – Ты сам велел, чтобы как следует проверила.

Но старшина веселья не поддержал. Наоборот, хмурился, озабоченно морща лоб.

– Значит, не мутант... А выглядит, как натуральный дикарь...

– А что он сам говорит?

– Да, считай, ничего. На удар по голове ссылается. Бывает такое, чтобы человек от удара по голове все забыл?

Марфа задумалась.

– Ну, что-то вроде потери памяти может быть. Только, знаешь, башка у него, считай, совершенно целая. Есть ссадина на затылке, но от такого память не пропадает.

Лицо Гермеса стало жестким.

– Думаешь, придуряется? Лазутчик?

– Тебе виднее. – Марфа повела округлыми плечами. – Только для лазутчика он шибко дурковатый. Да еще эта раненая девка. На фи́га она лазутчику?

– Да, это верно – шпионов так не внедряют. Но и на «лесного» он не похож. Заметила, какая у него короткая стрижка? «Лесные» всю жизнь лохматыми ходят, пока не облысеют, а этого как будто обрили недавно. Да и одежда эта, как у дампа... Но если не «лесной», то кто? А?

Он смотрел на ключницу. Та опять повела плечами. Потом с ленцой произнесла:

– Да откуда ж мне знать, откуда он такой заявился?.. Ну, клык у него чей-то на шею висит. На человеческий непохож, уж больно крупный. А так...

– Видел я, что клык висит. Это вообще ни о чем, обычный амулет. Их кто ни попадя таскает, и люди, и муты. Какие еще есть мысли? Может, еще чего заметила?

– Ну, разве что... – Ключница наморщила лоб. – Есть у него на плече татуировка. Плохо видно из-за грязи, но птица, это точно – крылья у нее распахнутые.

– Так, может, это рукокрыл?

– Не-а. – Марфа отрицательно мотнула головой. – Там крылья такие... – Она пошевелила пальцами в воздухе. – В общем, птичьи крылья.

– А что за птица?

– Да не разобрала я, говорю же. Может, и куропатка какая... А давай у самого Тимохи спросим. Чего гадать?

– Вот этого – пока не надо! – Гермес повысил голос. – Не надо у него об этом спрашивать. Ты лучше того – своди его в прачечную, пусть чуток отмоется. Тогда и рисунок покажется. И найди ему одежду какую-нибудь, чтобы срам прикрыл.

– Все?

Старшина подумал.

– Вот еще что, пусть его накормят. Как следует накормят, чтобы силенок набрался.

– Ты уже придумал, что с ним делать? – небрежно спросила Марфа. – Здоровенный парень ведь. Может, в охранники его?

– В охранники неизвестно кого? Нет, Марфа, сначала его проверить надо.

– Ну, тебе виднее. Можно, конечно, и в рабы, но... – Как ни старалась ключница скрыть интерес, но по ее тону и поблескивающим глазам чувствовалось, что судьба молодого «красавца» ей не безразлична. – Мне кажется, такой мордovorот и нам бы пригодился. Он не в одиночку завалит, если чего.

– Нео, говоришь? – Гермес потеревил кучерявую бородку. – Хм... Возникла у меня одна мыслишка...

– Какая?

– Скоро узнаешь. Пусть его моют, одевают и кормят. Потом приведешь ко мне. И без пригляда его не оставлять. Хотя...

– Что?

– Вряд ли он куда денется, пока его девка здесь раненая лежит...

Когда Тима снова привели к старшине, тот цокнул языком и сказал:

– Ну вот. Теперь, и вправду, на человека похож.

Тим и сам чувствовал, что с ним произошли некоторые изменения. Каким-то он новым стал, что ли... Это ощущение возникло после того, как его помыли в прачечной: сначала

облили теплой водой из шланга, потом дали брусок из непонятного, скользившего в руках, вещества, и сказали, чтобы он мылился.

Тим не сразу сообразил, о чем идет речь. Но затем потер себя бруском по животу, увидел, как образуется пена, и обалдел... Поначалу он даже испугался, потому что решил, что с него слазит кожа. Но присутствующая при «эxecуции» Марфа засмеялась и объяснила, что это смывается грязь при помощи мыла. И теперь Тимоша будет, как новенький золотой червонец – хоть на зуб пробуй.

Зачем его надо пробовать на зуб, Тим не понял. Но то, что ключница обозвала его Тимошей, ему было приятно. Он уже начал привыкать к тому, что маркитанты коверкают его имя – то Тимофеем обзовут, то Тимохой, а вот теперь еще и Тимошей. Но «Тимоша» звучало очень даже ничего, в этом варианте не было ничего злого или пренебрежительного, даже наоборот...

Короче говоря, Тиму стало приятно. Отвык он в последнее время от вежливого обращения, чего уж тут... А то, что Марфа временами на него покрикивала и обзывала «тупым», так это было понятно. Что поделаешь, если он и на самом деле тупил? Зачем, например, надо было брусок языком лизать – мыло это самое?

Ничего в нем съедобного не оказалось, пусть и изготавливали его, как пояснила ключница, из топленого жира хоммута. Зато во рту Тима противно запенилось и пришлось его прополаскивать водой. Тогда Марфа и сказала Тиму, что он тупой, как пятилетний пацан. Но без злобы сказала, и Тим не обиделся.

Потом, когда Тим помылся, ему принесли обувь и одежду: ботинки из грубой кожи, короткие штаны странной формы, которые Марфа назвала «шорты», и рубашку с длинными рукавами. Рубашка называлась «гимнастерка». Она была маловата и сразу разошлась по швам на плечах, но Тиму эта мелкая неурядица ничуть не испортила настроения. После грязных тряпок дампов его бы устроила любая одежда, прикрывающая тело, а тут настоящие штаны и рубаха. Да еще кожаные ботинки вместо примитивных сандалий. Живи и радуйся!

А уж когда его накормили похлебкой из вареной брюквы, в которой плавали кусочки жира, то Тиму совсем захорошело. Что-то в его жизни явно изменилось, и он сам изменился. Только не мог пока сформулировать, как и в чем именно. Не хватало информации для сопоставления. И даже слов не хватало. Хотя кое-какие новые слова периодически всплывали на поверхность сознания Тима, и это, видимо, было частью процесса обновления, происходящего с ним.

Так что, заявление Гермеса о том, что теперь он стал похож на человека, Тима особо не удивило. И вообще его в тот момент волновало и беспокоило другое – здоровье Алены. Он еще раньше попытался выяснить об этом у ключницы, но та сказала, что пока ничего сообщить не может. Мол, надо подождать. И когда Тимур в сопровождении Марфы зашел в кабинет Гермеса, то собрался тут же спросить про Алену. Однако старшина его опередил.

– Хотел у тебя узнать, Тимоха, – сказал он. – Эта девка раненая, которую ты приволок, Алена. Она тебе кто?

– Как кто? – Вопрос Гермеса застал врасплох. Такой темы они с Аленой не обсуждали. Что имеет в виду старшина? – В каком смысле?

– В самом простом. Жена, зазноба? Или, может, сестра?

Тим догадывался, что должен отвечать быстро. Потому что, судя по реакции старшины, вопрос был очень простой. Но из-за проклятых провалов в памяти Тим не понимал значения многих слов. Вот и слова «жена» и «язноба» ему в данный момент ни о чем не говорили.

Заго «сестра»...

Что-то такое в памяти крутилось... И вдруг он вспомнил. Вспомнил, как в подвале у дампов Егор сказал об Алене: «Сестра она моя, понял? Я за нее любому горло порву».

– Ты чего, Тимофей? – Гермес с подозрением прищурился. – Кем тебе Алена приходится, спрашиваю? Или опять не помнишь ни черта?

– Нет, помню. Она моя сестра. Я за нее горло порву. Любому.

– Вот как? – Ответ Тима старшину малость удивил, но он быстро сориентировался. – Любишь, значит, сестру?.. Так я тебя обрадую. Пришла твоя Алена в сознание, мне недавно доложили.

– Пришла в сознание? – Рот у Тима непроизвольно расплылся до ушей. – Как она? Что с ней?

– А что с ней? Понятно, что рана тяжелая. И крови много потеряла. Лекарь мне сказал, что вовремя ей помощь оказали. А то бы умереть могла.

– А теперь что?

– Теперь уже лучше. Не переживай. Лекарь у нас хороший, на ноги ее поставит.

– Можно мне с ней поговорить?

– Сейчас нельзя. Она спит сейчас. Так что, потом... Мне пока с тобой кое-что обсудить надо.

Тим с готовностью кивнул – обсудить так обсудить. Жизнь и здоровье Алены – вот что его беспокоило больше всего. А остальное... остальное – мелочи по сравнению с этим.

– Ты видишь, что я свое слово держу? – спросил Гермес. – Алену мы лечить начали. Согласен?

– Да.

– Одежду тебе дали?

– Да.

– Покормили?

– Да.

– Ну вот и отлично. – Гермес удовлетворенно улыбнулся. – Значит, претензий нет. А теперь смотри. За лечение своей сестры ты заплатил. А за остальное?

– За что остальное?

– Ну как же... Ты что дальше делать собираешься? Вернешься в свой лес? Хотя... Куда возвращаться-то? Ваш острог капитолийцы под корень разорили. Ну?

– Чего? – Тим не понимал, куда клонит маркитант.

– Какой ты недогадливый. – Старшина поморщился. – Если хочешь у нас на базе пожить, то за приют и ночлег платить надо. В сутки... ну, скажем, пять «червонцев». За еду тоже отдельно платить надо. У тебя еще золотишко есть? Монеты, слитки, изделия?

– Изделия?

– Ну да. Типа цепи, которую ты принес. Есть еще такое?

– Нет у меня ничего.

– Плохо. И что тогда делать будем? У нас ведь здесь не богадельня, за все своя цена установлена. Коммерция называется.

Тим в растерянности молчал. Общий смысл сказанного Гермесом он уловил, а вот детали пока не укладывались в голове. Получается, он рано обрадовался, когда решил, что за все расплатился с маркитантами. Он и не подумал впопыхах о том, как будет жить дальше. А тут, оказывается... Ну и ладно.

– Я найду, где жить, – сказал Тим. – И еду себе найду.

– Уверен?

– Уверен, – сказал Тим. А чего? Главное, что Алену теперь вылечат. А он может и в развалинах около Стадиона перекантоваться. Пищу как-нибудь добудет, было бы оружие. А когда Алена совсем выздоровеет...

– Сколько дней Алена будет лечиться? – спросил Тим.

– Правильный вопрос задаешь. Точно этого никто не знает. Это ж медицина, Тимоха. Рана тяжелая, кровопотеря... Если лечение затянется, то твоей золотой цепи может и не хватить. Кроме того, Алену каждый день кормить надо – а за это ты не заплатил. Понимаешь?

– Цепь же толстая была...

– Была. Но мы же по рукам ударили, все по-честному. Ты сам сказал, чего за эту цепь просишь, я все выполнил. А уговор дороже денег. Мы, маркитанты, всегда слово держим.

Тим чувствовал какой-то подвох в словах Гермеса. Что-то неправильное крылось в его рассуждениях. Но что именно? Этого Тим уловить не мог. Лишь было понятно, что он очутился в сложной ситуации.

Получается, что нужно платить за пищу для Алены. Да и за лекарство, возможно, еще тоже придется доплачивать. Требуется какие-то монеты или слитки из золота, а он их в глаза никогда не видел. Или видел, да забыл. В любом случае, у него ничего нет.

Да и о себе надо позаботиться. Так ли легко будет прожить в развалинах? Он даже не подумал о том, что за стенами Стадиона рыщут озлобленные дамы. Очень озлобленные, просто готовые его, Тима, на клочки разорвать. А он совсем один.

Правда, есть еще где-то Егор и Кыс. Вернее, были. Однако их ведь прежде найти надо. Если они вообще остались в живых, а не погибли в становище «мусорщиков». И если погибли, то кто теперь защитит Алену? Он один?

Получается, что только он, больше никому. Значит, он должен обязательно позаботиться о себе – иначе и Алена пропадет. Но что же делать? Ведь он – такой дурак. Даже ничего толком не помнит.

Голова шла кругом. Пустая голова, неспособная подсказать выход из положения. Вот влип так влип.

– Понимаю, Тимофей, что у тебя проблемы, – с сочувствием произнес Гермес. – Но ты шибко-то не переживай. Я вижу, что ты парень хороший. Как такому не помочь?

– Вы мне поможете? – Тим с надеждой посмотрел на маркитанта.

– Поможем. Мы хороших людей в беде не бросаем. Я лично тебе и помогу.

– Как? У меня нет этих самых, монет. И золота нет.

– И не беда. Дело, в общем-то, плевое. Монеты всегда заработать можно, было бы желание. Ну и возможности. А они у тебя есть.

– Я должен что-то сделать? – догадался Тим.

– Именно. Ты должен монеты заработать.

– Как?

– Сейчас объясню. Ты знаешь, что такое гладиаторы?

Тим подумал несколько секунд. Нет, в голову ничего не приходило. Странное какое-то слово... Постой, кажется Фрол что-то упоминал. Но он, похоже, пропустил мимо ушей.

– Нет, не знаю. Они что, кого-то гладят?

– При чем тут это? – Лицо Гермеса удивленно вытянулось. И тут же расплылось

широкой ухмылкой. – Ха, понял. Гладиаторы глядят... Ха-ха, Тимоха. Ну, ты даешь... Нет, Тимоха, гладиаторы не глядят. Ну, разве если кого мечом по ребрам. Или по загривку. Ха...

Старшина посмотрел на Марфу, которая молча присутствовала при разговоре. Как завела Тима в комнату, так и стояла в сторонке. Но явно не скучала, судя по поблескивающим глазам и живой мимике.

– Слышь, Марфа, Тимофей у нас шутник. Насмешил, ох, насмешил.

– Смешно, – отозвалась ключница. – Способный парень. Сразу видно, что из леса.

Гермес прищурился и произнес уже без улыбки:

– Вот именно. Так вот, Тимофей, гладиаторы, это бойцы. Те, кто выходит на арену и дерется до последнего – до последней капли крови. Победил – заработал деньги. Проиграл – значит, проиграл, такова судьба.

А теперь слушай меня внимательно. У нас на Стадионе почти каждый день проводятся гладиаторские бои. Все дерутся – люди, нео и прочие мутанты... В общем, кто хочет заработать, тот и дерется.

– А кто им платит? – спросил Тим.

– Хороший вопрос, Тимоха. Во-первых, гладиаторам платят хозяева. Своим гладиаторам плачу я.

– А зачем? Ты хочешь, чтобы твой гладиатор убил другого?

– Не совсем так. Зачем платить за обычное убийство? Это пустая трата денег. Я плачу за то, чтобы мой боец победил чужого бойца, и это принесло бы мне много денег.

– А откуда они берутся?

Старшина усмехнулся.

– Ты глянь, Марфа. А парень-то смысленый, ухватывает на лету, что к чему... Деньги, Тимофей, платят хозяева других бойцов. А еще – публика, которая приходит посмотреть на бои. У нас ведь тут вход платный, без халявы... Так вот, публика платит за зрелище – это раз. И делает ставки на победителей – тотализатором такая штука называется. Это два. Отсюда и берутся монеты, чтобы платить бойцам. Так что?

Гермес цепко взглянул на Тима.

– Что? – повторил тот.

– Согласен на мое предложение?

– Какое? – с недоумением спросил Тим.

В данном случае он «врубил дурачка». Потому что уже примерно догадался о том, к чему клонит старшина. Однако решил не высказывать догадок раньше времени – пускай сам объяснит, что к чему. Иначе его и впрямь начнут считать умным. А он совсем не умный. Уж лучше пусть по-прежнему принимают за тупого.

– Хорошее предложение, – сказал Гермес. – Я предлагаю тебе стать моим гладиатором – бойцом, короче, который сражается на арене. Парень ты здоровый. Драться умеешь – сам хвастался. Вот и заработаешь денег, чтобы оплатить проживание и еду. И на лекарства для твоей сестры хватит. Если будешь хорошо драться. Так что?

– Значит, я должен драться?

– Не просто драться, а побеждать. Победил в схватке – заработал монет. Все просто. Так что?

– Я согласен, – сказал Тим.

Ему показалось, что теперь он все понял. А если все понял, то чего тянуть с решением? Он будет драться и получать монеты, чтобы платить Гермесу – пока Алена не выздоровеет.

Ведь иначе ничего не получится. Куда он денется с раненой девушкой, если покинет базу маркитантов? Их тут же убьют какие-нибудь муты.

– Отлично! – Гермес довольно улыбнулся. – Ты дерешься, я плачу. Значит, по рукам?

Он протянул Тиму раскрытую ладонь.

– Ладно, – вздохнув, произнес Тим. И протянул навстречу свою руку.

Было у него смутное предчувствие, что доверять Гермесу нельзя. И вот это – по рукам – лучше бы с ним не делать. Не договариваться, в общем, с ним. Но с кем тогда договариваться? Гермес у маркитантов все решает. И что вообще можно сделать в такой ситуации? А здесь человек заработать предлагает.

И Тим с Гермесом ударили по рукам – в прямом и переносном смысле.

– Отведешь его в каземат, – велел старшина Марфе. – Пусть готовится, да и отдохнет малость.

– Отведу, – сказала ключница. – Только у меня к тебе разговор есть.

– Короткий?

Марфа подумала, моргая ресницами.

– Наверное, не очень.

– Срочный?

– Ну-у... наверное, нет.

– Тогда потом зайдешь. У меня сейчас дела.

И Гермес многозначительно перевел взгляд на мощный сейф в углу комнаты. Большую часть времени старшина маркитантов тратил на то, что подсчитывал прибыль. Затем планировал очередные сделки. И вскоре подсчитывал прибыль от них. В общем, жил насыщенно и с выгодой.

Глава вторая

Дикая охота

Страх.

Отчаянье.

Безнадежность.

Она не знает, куда идти. И поэтому идет туда, куда глядят глаза.

Но ноги уже не несут, потому что она измучена до предела. Надо хотя бы немного передохнуть. Оглядеться. И собрать в голове разбежавшиеся мысли.

Неужели она обречена на гибель? Нет, не может быть! Надо что-то придумать. Она придумает. Надо только... надо только передохнуть. Хотя бы полчасака...

Но она боится. Где спрятаться – в развалинах домов? Кажется, что там надежнее. Но так лишь кажется. Все норуют прятаться в развалинах. И муты – тоже. Стоит только сунуться... А она теперь одна. Совсем...

Вдвоем с раненым отцом она укрывалась в подвале разрушенного здания. Но на них напали осмы. Раненый отец отстреливался из автомата. А она, как могла, рубилась палашом. Но мутанты оказались сильнее.

Она вырвалась чудом, едва не попав под смертельные плевки осмов. И теперь в одиночестве пробирается среди руин, даже толком не понимая, куда идет. И сдерживая слезы отчаяния.

Нет, в коробки домов соваться нельзя, это слишком опасно. И везде могут ждать ловушки... Может, сюда?.. Нет, что-то здесь не так. Пройду дальше...

Ага. Вон торчит полуразвалившаяся кирпичная стена, можно спрятаться за ней. Правда, рядом растут дендромуты... Но уж лучше соседство «кровососов», чем подвал, где часто селятся пауки-мясоеды или прыгающие черви. А то и квазимухи гнездо совьют – они любят сырые и темные трущобы. Те еще твари... А с дендрами можно и договориться, если знать заклинания.

Да, кажется, неплохое место. Там, за стеной, она отдышится и придет в себя. А затем...

Скоро ночь, уже темнеет. Что она будет делать одна? Как переживет ночь в этом жутком обезлюдившем городе, где бродят толпы голодных и злобных мутантов?

Одиночество.

Отчаянье.

Ужас...

* * *

Он чувствовал запах жертвы и предвкушал скорое кровавое пиршество – как и его временные подельники из числа таких же бродячих мутантов без роду и племени. Временные, потому что вормы не признают организованных форм существования. Они – муты-одиночки, предпочитающие шакалить на свой страх и риск. Но могут и собраться в стаю – если найдется сильный вожак, способный объединить их ради заманчивой цели. Иными словами, предложит такое, от чего невозможно отказаться.

А от чего любой уважающий себя «трупоед» никогда не откажется? Разумеется, от возможности пограбить и пожрать. И как раз такую возможность обещал им Пузыч – их новоявленный вожак.

Пузыч – уродливый плод случайной связи дампа и самки нео – был смышлен, силен и жесток. А еще он таскал на своей, относительно ровной, без шишек, башке тактический шлем из кевлара и где-то разжился настоящим палахом отличнойковки. Но даже таких качеств и аргументов ему не хватило бы, чтобы собрать разношерстную шайку из полудюжины злых и голодных «трупоедов» – если бы не заманчивая цель.

Она возникла после того, как Пузыч встретил накануне знакомого ворма по кличке Бздец. Тот считался в среде «трупоедов» убогим доходягой, неспособным справиться с сухопутным осьминогом, и конченным наркошей. Короче говоря, был натуральным чмырем. Однако чмырем, при этом, пронырливым и информированным, всегда находящимся в курсе последних событий.

Именно Бздец и поведал Пузычу о том, что на днях войско Капитолия разгромило острог лесных людей. Большую часть «лесных» капитолийцы угнали в полон, остальные попрятались в развалинах Тушино. Местные нео, сказал Бздец, ведут за этими беглецами настоящую охоту. Да только «лесных» так просто не возьмешь, у них даже самки дерутся, как настоящие бойцы.

Сначала Пузыч слушал болтовню Бздеца вполуха – на фига с «лесными» связываться, пусть и беглыми? Но потом заинтересовался. Чувствуя, что старый знакомец что-то недоговаривает, Пузыч угостил его сушеным мухомором. И не прогадал.

Пожевав гриба, Бздец разболтал «коммерческую тайну»: мол, капитолийцы установили за голову каждого «лесного» вознаграждение золотом. Не важно какого именно «лесного» – живого или мертвого – главное, чтобы голова была в наличии. Капитолийцы, как поведал Пузычу закосевший после забористой «дури» Бздец, за каждого мертвого «лесного» обещали по два «золотых». А за живого – аж целых шесть!

Вот тут Пузыч сделал «стойку». Ради золота он был готов носом землю рыть – даже невзирая на то, что нос у него подгнил и провалился к нёбной кости. Ведь «трупоеды» – существа нищие и неприхотливые. Для них одна золотая монета уже целое богатство – месяц шиковать можно. Как же тут не воодушевиться?

Бздец в обмен на вторую дозу мухомора указал несколько мест, где можно наверняка натолкнуться на беглых «лесных», и даже начертил на песке что-то вроде плана местности: мол, зуб даю, эксклюзивная информация – в этих норах можно брать хомо тепленькими. После чего вырубился, упав на спину и закатив глаза – то ли совсем сдох от передоза, то ли просто отключился.

Воодушевленный радужными перспективами Пузыч быстренько прочесал окрестности и «поставил под ружье» шестерых вормов. Получилась вполне себе боеспособная банда «романтиков с большой дороги». Особенно в том случае боеспособная, если попадет на их дороге женщина – самка хомо, в смысле. Или раненый хомо-самец. А при иных раскладах и деру дать можно.

Но с утра, вопреки большим ожиданиям, так пока никто и не попался. Кроме парочки крысособак, с которыми вормы решили не связываться – уж слишком рискованно. Крысособаки, они такие – сами могут что угодно отгрызть. И грабить их бессмысленно – сплошной голяк.

По всему выходило, что вечно обдолбанный Бздец соврал ради дозы мухомора или

элементарно напутал. Но сослаться в качестве оправдания на подобного чмыря – себя не уважать. И получалось, что слово, данное поделщикам, не держит сам Пузыч – со всеми вытекающими последствиями.

С утра ничего не жравшие члены шайки начали глухо ворчать и недвусмысленно косились на атамана – мол, весь день пыль глотаем, а обещал свежее мясо хомо и золотые горы. И где оно, обещанное? Так честные пацаны не поступают.

Если бы Пузыч не держал постоянно в руке обнаженный палаш, поделщики могли и наброситься – и, чем ближе к вечеру, тем с большей вероятностью. Ведь «трупоеды» ночевать на пустой желудок не любят, если что – сожрут кого угодно и без лишних церемоний. Впрочем, подобными хамоватыми манерами отличались почти все муты.

И вот тут – уже вечером – Пузыч уловил запах. Точнее, сначала он заметил около обломка бетонной плиты след, похожий на отпечаток обуви. А уж когда приблизился и обнюхал плиту, то ощутил его – запах хомо.

Видимо, хомо сидел некоторое время здесь. Притом совсем недавно, иначе запах бы выветрился. И это был не просто хомо. Это был... было...

Пузыч поводил лицом вдоль плиты, но ресурсов его подгнивших обонятельных рецепторов не хватало. И тогда он лизнул растрескавшийся бетон...

О-о!.. О-о-о...

Он почувствовал кисло-сладкий вкус самки. Самки хомо... Молодой... Вспотевшей... Испуганной... Источающей пряный вкус жертвы...

– О-о-о-о, – не сдержав эмоций, сладострастно простонал Пузыч. – Это самка.

Услышав вожака, формы сгрудились вокруг плиты и радостно загудели:

– Самка хомо... Вожак нашел след самки... Пошли быстрее, пока не стемнело... Надо ее догнать... Самка... О-о-о-о...

* * *

– Командир, ты посмотри – «трупоеды» объявились. – Сержант Бугров, не отрываясь от окуляров бинокля, махнул рукой. – Надо же – целая шайка.

– Куда идут? – лениво отозвался старшина Сергей Латыпов.

– Пока по улице тащатся. На запад.

– На запад? Хм...

Их разведгруппа в составе трех бойцов вышла из Капитолия двое суток назад, и сегодня планировалось возвращение на базу. С утра они двигались с юго-востока на северо-запад от берега Водохранилища, прочесывая район патрулирования по диагонали. К полудню оказались на северной окраине Тушино около почти целой, поросшей крыш-травой, шестиэтажки. С ее верха хорошо просматривались окрестности, и Латыпов решил устроить здесь наблюдательный пункт. До вечера. А потом можно и на базу отправляться, в Капитолий.

Так и сделали. Забрались на крышу с помощью веревок и стали следить за местностью. Но вокруг было на удивление пустынно. Разве что мелкие стаи крысособак изредка пробегали. Да еще, около часа назад, по улице рысцой прошлепали два десятка серых мохначей из клана Брарга. Они направлялись на восток, и разведчиков не интересовали. Какой смысл связываться со злобными городскими нео? Если только сами на рожон полезут.

И вот теперь объявились «трупоеды». Чего это они в кучу собрались? Неужто «стрелку забили» конкурентам из-за дележа территории?

– Может, шуганем вормов, а? – спросил Бугров, не дождавшись внятной реакции командира. – Там почти одни доходяги.

– Зачем? – Сергея слегка разморило на солнышке. Пока Бугров и арбалетчик Федор осуществляли дозор, он присел у парапета и даже, кажется, слегка задремал. И тут какие-то зачуханные муты... – Толку от них, как от хоммута молока...

– «Языка» можно взять, допросим.

– Брось, сержант. – Латышов поморщился. – Чего вормы могут знать? Всю жизнь по помойкам пасутся.

Сомнительное удовольствие драться с вонючими «трупоедами» ради того, чтобы захватить одного из уродов в плен, старшину совсем не прельщало. Тем более что рейд подходил к концу.

Это был, в общем-то, обычный разведывательный рейд, если не считать некоторых особенностей. Уже полмесяца – с того трагического вечера, когда погиб глава Капитолия Стратег Олег – все разведгруппы имели, среди прочих, одно особое задание. Оно заключалось в поисках сына Стратега – семнадцатилетнего Тимура.

Юноша исчез из Капитолия сразу после смерти отца – и с того момента как в воду канул. Вот тогда новый Стратег Якуб, возглавивший Когорту, и издал распоряжение: любой ценой найти Тимура; если не живого, так мертвого; если не самого Тимура, то какие-то его следы или информацию о нем.

А то что же получается? Стратега Олега лишили жизни наемные убийцы, а сын сразу пропал. Может, он причастен к покушению на отца и сбежал? Или парня похитили неизвестные враги?

Но кто именно? Уж не лазутчики ли Кремля? В Кремле, по слухам, давно зубы точат на общину капитолийцев. Не нравится их князю и боярам, что капитолийцы сами по себе и не желают идти под чью-либо руку. Потому кремлевские и строят козни.

Такие слухи поползли по Капитолию. А дыма без огня, как известно, не бывает. Вот Якуб и поручил разыскивать пропавшего Тимура денно и нощно. Даже специальные поисковые группы создал.

Истинные причины исчезновения Тимура в Капитолии знали немногие. В число этих немногих – так уж сложилась ситуация – входил и Сергей Латышов. Но о том, что он знает, лучше молчать. Иначе голова с плеч.

Он теперь и сам под подозрением – после того, как ушла в глубокий рейд группа капитана Латышова, брата Сергея. А посылал эту группу Стратег Олег, вскоре погибший от рук наемных убийц. И Сергей догадывался, кто мог их нанять...

Потому и не хотел старшина Латышов искать пропавшего Тимура. Но изображал видимость добросовестного служаки, чтобы не привлекать излишнего внимания. Потому что у коварного Якуба везде глаза и уши. И очень длинные руки – до самого Олега дотянулись. А все потому, что Олег пошел против мнения остальных членов Когорты Хранителей. Вернее, сейчас уже не Хранителей, а Избранных Юпитером.

Это они раньше Избранными Хранителями Традиций назывались. А после гибели Олега новоявленный Стратег Якуб реформу управления объявил. Правда, пока что вся реформа свелась к изменению титулов правителей Капитолия. Хранители превратились в Избранных, а Стратега Якуба теперь следует именовать Великим Стратегом.

Так постановила Когорта сразу после взятия острога «лесных». Хотя Якуб возле острога даже не появился, сидел за стенами Капитолия. Тоже мне, великий полководец. Вот Олег был настоящим воином. А Якуб – трусливая сволочь. Но хитрый и изворотливый, как многоголовый аспид. И ядовитый. Это он наемных убийц к Олегу подослал, больше некому.

Ну, про то лучше молчать. Да что там молчать? Даже думать такое опасно...

– Старшина, – сказал Бугров, продолжая смотреть в бинокль. – Может, все-таки догоним «трупоедов»? Интересный, понимаешь...

– Да сдались они тебе, сержант? – с раздражением оборвал Латыпов. – Заботы нам нет, как «бомжей» по развалинам гонять. Посидим здесь еще чуток и двинем в Капитолий.

– Ты не дослушал. – Бугров покосился на командира группы и снова уставился в бинокль. – Я тут разглядел – у одного из них шлем на голове дюже интересный. Он, похоже, вожак у них – впереди все время топает.

– И что интересного в этом шлеме? Ну, подобрал где-нибудь или с мертвого снял.

– Да наш, похоже, шлем-то, тактической защиты. Этот самый, с изолятором от шамов.

– С изоляцией от ментальных атак, – машинально поправил Латыпов.

– Ну да, с ней самой. А еще у этого вожака палаш в руке. Настоящий, не какая-нибудь самодельная сабля.

– Что ж... ты сразу... не сообщил? – медленно выговорил Сергей.

У него возникло нехорошее предчувствие – даже под сердцем защемило. Тактических шлемов со специальной прокладкой, изолирующей от ментальных атак шамов и других мутов-телепатов, в оружейке Капитолия хранилось меньше десятка. И выдавали их далеко не всем бойцам – только на особые задания. Как же подобный «крутой» шлем мог очутиться у бродяги-ворма? Да еще и палаш...

– Я не сразу обратил внимание, – сказал сержант. – Тут на солнце отсвечивает... Ну, я сначала и подумал, что урод на башку какую-то кастрюлю натянул.

– Я понял. – Латыпов ловко, одним движением, поднялся на ноги. – Все, парни, перекур закончился. Надо эту шайку обязательно догнать. Точнее, этого уroda в шлеме.

– Берем его целым? – деловито уточнил арбалетчик Федор. – Или можно слегка подпортить шкурку?

– Подпортить можно. Главное, чтобы разговаривать смог.

– А с остальными что? Валим?

– Остальные – удильщик с ними. Как получится...

* * *

Она, кажется, задремала, притулившись у кирпичной стены. Очнулась от звериного ощущения опасности. Открыла глаза – и оледенела от ужаса.

Вокруг нее стояло несколько мутантов – уродливых человекоподобных существ в лохмотьях. Горбатые, скособоченные и кривоногие. Туловища пучатся шишками и наростами. Конечности разной длины растут откуда ни попадя, пальцев – где по семь штук, а где и вовсе ни одного.

Головы деформированы, рожи перекошены, как будто их рихтовал молотом пьяный кузнец. Выпученные глаза блестят животной похотью. Рты плотоядно оскалены. А у самого ближнего – с провалившимся носом – из уголка рта по заросшему шерстью подбородку

ползла липкая струйка слюны.

Вонь от грязных тел и смрадное дыхание накатили волной. Отчаянный крик сам собой вылетел из горла. Рука инстинктивно рванулась к поясу. Но вытащить охотничий нож девушка не успела. Пузыч, рыкнув, схватил ее за плечи и с силой ударил о стену.

Обмякшее тело еще продолжало сползать по стене, а вормы уже бросились к нему. Казалось, еще миг, и они разорвут жертву на клочки. Но Пузыч, вскинув руку с палахом, издал воинственный вопль – и мутанты замерли, не смея переступить невидимую черту за спиной вожака.

– Я первый, – ощерившись, прохрипел Пузыч. – Не бойтесь, мяса всем хватит.

– Хотим тела! – визгливо выкрикнул одноглазый worm. Правое ухо росло у него прямо из щеки, а левого уха не было вовсе.

– Да, мы хотим тела! – поддержал требование «соратника» коротконогий мутант с отвисшим брюхом, похожим на надутый пузырь.

– Тело тоже получите, – снисходительно изрек Пузыч. – После меня.

Он с грозным величием окинул взглядом членов шайки. Это был миг торжества, и Пузыч хотел насладиться им в максимальной степени. Его ущемленное самолюбие изгоя и парии, родившегося на помойке и проведшего около нее всю жизнь, тешили жадная зависть и трусливая злоба, читавшиеся в глазах поделщиков.

Пусть завидуют, недоноски! Он первым испробует нежную плоть этой человеческой самки по праву сильного. И если попробуют вякнуть...

Но никто не вякнул, потому что никто не хотел рисковать жизнью в предвкушении скорой вакханалии. Ничего, думали муты, они дождутся своей очереди. Вожак прав: тела самки на всех хватит – белого и мягкого тела хомо. И сладкого на вкус.

– Ты и ты – помогите мне. – Пузыч ткнул пальцем в «одноглазого» и «коротышку». Он кайфовал от власти и возможности – пусть и кратковременной – распоряжаться чужими судьбами. – Разденьте ее.

Вормы тут же подскочили к неподвижному телу девушки. «Коротышка», задрав подол платья, приподнял ее за талию. А «одноглазый», схватившись обеими руками за пояс рейтуз, одним рывком сдернул их до колен жертвы.

Увидев обнажившееся тело, «одноглазый», не удержавшись, лапнул девушку за бедро. Но Пузыч грозно рыкнул. И worm, сопя от возбуждения, полностью стянул с самки рейтузы. Затем, сжимая их в руке (ценный трофей, как никак!), отбежал на несколько шагов и завистливо уставился на вожака.

– Разорвать ей платье? – угодливо спросил «коротышка».

– Не надо, – сказал Пузыч. – Я сам. Лучше раздвинь ей ноги.

Отдав распоряжение, он засунул палах в ножны. После чего, не сводя глаз с бедер девушки, медленно приспустил свои драные штаны. Нащупав ладонью болтающееся в промежности «хозяйство», сладострастно хрюкнул. И, сделав шаг вперед, слегка нагнулся, собираясь опуститься на колени между беспомощно раскинутых ног жертвы...

* * *

Арбалетчик Федор выбежал из-за кирпичной стены, опередив остальных капитолийцев. Они и так настигли мутантов, а когда услышали отчаянный женский крик, то сразу перешли

на бег. И Федор, худой и шустрый, как сухопутный осьминог, конечно же обогнал неповоротливого Бугрова и тяжеловесного Латыпова. Он вывернул из-за стены и первое, что ему бросилось в глаза, были уродливые ягодицы ворма – покрытые коричневой шерстью и отвисающие, словно курдюк.

Цель оказалась настолько заманчивой, что Федор действовал рефлекторно – вскинул арбалет к плечу и нажал спусковую скобу. Тренькнула тетива, и через мгновение арбалетный болт со смачным хрустом вонзился в «яблочко». Хотя в данном случае можно было бы употребить и другой термин, но не будем вдаваться в подробности. Выразимся так: вонзился туда, куда надо – прямо по центру растопыренной задницы.

Пузыч, застигнутый врасплох в самый неподходящий момент, подпрыгнул, как будто наступил на мину. И тут же свалился набок, запутавшись в рваных штанинах. И все это, буквально, в преддверии скорого блаженства. Разве не подлянка?

Взвыв от переполнивших сознание отрицательных эмоций, Пузыч попытался нащупать и устранить причину неожиданной боли, пронзившей его чресла. Но куда там! Короткая арбалетная стрелка вошла в задницу ворма по самое оперение, доставив ублодку незабываемые ощущения.

Толпившиеся вокруг мутанты офонарели, увидев, как их грозный вожак с воплями исполняет на земле загадочные телодвижения. Не иначе, как впал в экстаз, подумали они. Мухомора, что ли, успел пожевать? И это вместо того, чтобы шпокать самку хомо! Импотент, не иначе.

Капитолийцев «трупоеды» заметили не сразу. Дело в том, что в момент появления разведчиков, вормы, в предвкушении увлекательного зрелища, находились к ним спиной. Кое-кто из мутантов даже приспустил штаны, готовясь прийти на смену Пузычу. А когда тот внезапно рухнул оземь, самый наглый из всех мутов – одноглазый ворм – и вовсе решил, что его очередь уже наступила.

Придя в себя после короткого замешательства, он рванулся к самке в надежде опередить конкурентов – уж шибко ему было невтерпез. Однако успел сделать лишь один шаг. А на втором подбежавший Латыпов снес уроду башку резким ударом палаша.

Первым в ситуации правильно сориентировался «коротышка» – обладатель неимоверно раздутого брюха. Он стоял за телом девушки, ближе к противоположному концу стены. Обнаружив до зубов вооруженных капитолийцев, мутт благоразумно не стал вступать в сражение, а шустро посеменял в обратном направлении. Хитрец рассчитывал, что сумеет скрыться в развалинах, пока остальные члены шайки будут отчаянно драться с хомо.

Увы, расчеты «коротышки» не оправдались. Он еще не добрался до конца стены, когда из-за нее выскочил сержант Бугров. Отрезая мутантам-разбойникам пути отступления, он забежал с другой стороны, что стало для «коротышки» полной неожиданностью. настолько полной, что он и охнуть не успел, а сержант уже рассек ему брюхо ловким движением клинка. Рассек и тут же отпрыгнул в сторонку – чтобы не угодить под фонтан зловонной жидкости, хлынувшей из огромной раны.

А вот ворм, удиравший следом за «коротышкой», вовремя среагировать не сумел. Поскользнувшись на чужих кишках и слизи, он плюхнулся на землю прямо под ноги Бугрову. И, разумеется, в тот же миг лишился башки.

Лишь один из «трупоедов», вооруженный обрезком трубы, повел себя, как настоящий боец. Он не стал улепетывать со всех своих кривых ног – их у мерзопакостного ублодка оказалось по воле щедрой природы аж целых три, – а отчаянно бросился навстречу Латыпову.

И как раз в этот момент схлопотал в грудь болт от Федора.

Отдадим мутанту должное. Он не упал, несмотря на то, что болт прошел его до позвоночника, – а лишь слегка притормозил и хрюкнул, выражая негодование. И даже вскинул над лохматой башкой трубу, намереваясь огреть ею старшину. Однако реализовать намеченное не успел, потому что Латыпов, изловчившись, рубанул его по локтю.

Хрясть! И рука, сжимающая трубу, опустилась сама собой – в том смысле, что плюхнулась на землю безо всякого участия ворма. Который, в свою очередь, лишившись конечности, резко успокоился.

Возможно, помогло кровоупускание – кровяща-то из обрубка хлестанула струей, хоть ведро подставляй. Или просто заскучал, вспомнив об арбалетной стрелке в груди. Тоже ведь не фунт изюма, когда подобная стальная хрень легкие пробивает – хочется вздохнуть, а тут тебе ни вздохнуть, ни, извините, высморкаться. В общем, скособочился наш «трупоед» и поковылял куда-то в сторонку на своих трех лапах, скуля и повизгивая.

Видя такое безнадежное дело, два оставшихся мутанта ломанули в ближайшие кусты. Да с перепугу забыли, что это не обычные кусты, а самые что ни на есть «кровососы». Первый ворм влетел в заросли на полном ходу и уже через секунду заверещал, когда ветки вонзили в его плоть свои безжалостные шипы.

Он попытался вырваться, но где уж там. Десятки веток, длинные, гибкие и прочные, как сыромятные плетки, обвили мута с ног до головы такими крепкими объятиями, что за полминуты «зацеловали» жертву до смерти. Был ворм и весь вышел.

Нет, потрепыхался еще, конечно, ради приличия, посучил конечностями, но «кровопийце» это только в радость. Ежели чувак дергается, значит, осталось еще кое-что в закромах. А остаток, как говорят в мутантском народе, всегда сладок. Это ж такой кайф – высосать содержимое жертвы до последней капельки.

Второму «трупоеду» повезло больше. Он чуток подотстал от первого, пока подтягивал спадающие штаны, и исхитрился затормозить, буквально, на границе зарослей. «Кровопийцы» все-таки зацепили жертву несколькими ветками, запустив в тело мута парутройку шипов. И моментально откачали из него около литра крови. Но на помощь нечаянному донору подоспел сержант. Он перерубил хищные ветки и, схватив «бомжа» за шиворот, оттащил того в сторонку.

Латыпов между тем сосредоточился на обладателе тактического шлема – то есть на Пузыче. Несмотря на пробитую насквозь задницу, вожак шайки не собирался сдаваться на милость победителей. Подняться на ноги с застрявшим в паху болтом он не смог – духу не хватило. Но как-то изловчился привстать на колени и вытащил из ножен палаш, готовясь отразить атаку старшины. В общем, старался, как мог.

Однако фехтовальщик из раненого «трупоеда» был хреновенький. Латыпов двумя ударами обезоружил его, выбив из руки палаш. А тут еще и Федор подбежал и, наставив арбалет, выкрикнул:

– Не дергайся, тварь! А то в ухо засажу.

«Бомж», видимо, понимал, каково бывает, когда тебе засадят в ухо болтом. Затравленно оглянувшись, он скорчил рожу и демонстративно улегся на бок – мол, что хотите, то и делайте, изверги. Но глаза его при этом горели лютой злобой.

Латыпов поднял с земли палаш, выпавший из руки мутанта, и на сердце мгновенно похолодело. Он узнал бы этот клинок из тысячи других, потому что сам помогал кузнецу выковывать навершие для рукояти – в форме фигурки орла. Орел изображался на гербе

Капитолия, а наверху Сергей Латыпов изготовил для брата Ильи.

Рядовому составу иметь подобные украшения на оружии не разрешалось, но Илья носил звание капитана. Вот и попросил брата сделать эскиз и помочь кузнецу выполнить тонкую работу, когда изготавливался новый палаш. Сергей помог. Отличное получилось оружие – и клинок, и рукоять, и навершие...

– Ты где это взял, урод? – процедил Латыпов. Горло перехватило от волнения и нахлынувшей ненависти. Нет, шанс на иной расклад еще оставался. Но слишком ничтожным выглядел этот шанс. Никогда бы Илья добровольно не отдал свое оружие. Да еще и тактический шлем...

Ворм молчал. Сергей стукнул его по голени обухом клинка и повторил:

– Ты слышал, урод, что я спросил? Будешь молчать, раздроблю кость на щепки. Где ты взял этот клинок и шлем?

И снова ударил – теперь уже посильнее.

«Трупоед» вскрикнул и отдернул ногу. Затем прохрипел:

– Ничего не знай. Нашел.

– Врешь, убудок. – Латыпов замахнулся палашом. – Сейчас ты у меня все расскажешь.

– Ничего я тебе не скажу, хомо! – выкрикнул ворм. Но на всякий случай подтянул к животу обе ноги. – Хочешь убить – убивай.

Сергей внезапно усмехнулся и опустил оружие.

– Слушай, давай договоримся, – произнес все с той же кривой усмешкой. – В живых я тебя все равно не оставлю, это верно. Но обещаю прикончить одним ударом, если расскажешь все, как было. А иначе... Иначе отрублю обе ступни и валяйся тут. Здесь кругом полно крысособак. Хочешь, чтобы они тебя по кусочкам раздербанили?

Мутант молчал, тяжело посапывая.

– Надеешься, что крысособаки сразу перегрызут тебе горло? – задумчиво спросил Латыпов. – Да, такое тоже может случиться. Но ты не учитываешь, что этим голодным зверькам я тебя подарю не сразу. Сначала я буду долго дробить тебе голени. По сантиметру. – Он изобразил большим и указательным пальцем расстояние, равное сантиметру. – Кстати, давай-ка мы вытащим из тебя болт. Чувствую, он тебе мешает. А нам он еще пригодится. Федор, вытащи стрелку, не оставляй же ее в заднице этого кретина.

– Запросто, – с безучастным видом отозвался арбалетчик. – Как будем тащить – вперед за наконечник или назад, за оперение?

– За оперение, пожалуй, удобнее. А то оно еще где-нибудь внутри застрянет.

– Не надо болт таскай. Я ничего не знай, – проскулил «трупоед». Глаза его по-прежнему сверкали злобой, однако в голосе появились заискивающие нотки. – Правда говорю – шлем я снял с мертвого хомо. И палаш там же лежал. Я взял. Больше ничего не знай, мамой клянуся.

– У тебя была мать? Жутко представить, как она могла выглядеть, – с насмешкой произнес старшина.

Он раздумывал. Имелось у него ощущение, что ворм, как минимум, привирает. Но и устраивать пытку ему не хотелось. Визгу будет много, а толку... Может, и не врет он вовсе – наткнулся на труп и прибарахлился. Вряд ли такое чучело могло одолеть в схватке Илью. Налетели толпой? Так ведь и Илья не один в рейд отправился, четверо их было.

– Я все сказал, честное слово. – Заметив, что капитолиец колеблется, «бомж» едва не заплакал, изображая чистосердечное признание. – Зачем мне врать, хомо? Пузыч никогда не врет. – Он шмыгнув провалившимся носом и эффектно завершил свой короткий монолог: –

Клянуся честью.

Латыпов в изумлении покачал головой: надо же, какие нынче продвинутые «трупоеды» пошли – честью клянутся, маму вспоминают. Нахватался где-то, недоносок...

– Старшина! Может, и вправду, прикончим его и дело с концом? – вмешался в разговор сержант. – Темнеть скоро начнет. А нам еще с девкой разобраться надо.

Он кивнул в сторону девушки. Она продолжала неподвижно лежать у стены с задраным подолом. Латыпов взглянул на нее и сразу отвел глаза, почувствовав внутренне неудобство – словно подглядывал в замочную скважину.

А ведь красивая девчонка. И, судя по всему, из «лесных». Это у них девки вплетают в волосы разноцветные ленты. И пояс у нее кожаный с ножнами для широкого охотничьего ножа. Капитолийские бабы оружия вообще не носят, никакого. И за пределы крепости никогда не выходят. А вот у «лесных» девки шустрые – мед собирают в лесу и охотятся самостоятельно... Охотились – поправил Латыпов себя. Конец пришел их общине.

Новая забота – ловить разбежавшихся по всему Тушино лесных людей – у разведчиков появилась несколько дней назад. «Лесные» отклонили ультиматум Избранных, не захотев признать абсолютную власть Капитолия. Что же, сами виноваты. Острог их пал после трехдневной осады, теперь участь «лесных» плен и рабство. Или смерть.

Правда, человек тридцать или сорок из числа жителей общины прорвались сквозь оцепление и разбежались кто куда. Якуб велел выловить всех до единого. А не выловить, так убить. Чтобы впредь никому неповадно было выступать против власти Капитолия.

Жесток Якуб, чего тут говорить. А еще коварен, как аспид...

– Командила, – неожиданно подал голос искусанный «кровопийцами» ворм. После того как Бугров оттащил его от кустов, он несколько минут тихонечко валялся на земле, очухиваясь. Бедняга даже на время потерял сознание. Но сейчас, похоже, оклемался. – Командила, этот Пузыч все влет. Это он убил вашего бойца. Он сама хвастался.

«Трупоед» присел и ткнул указательным пальцем в сторону Пузыча. Кроме указательного пальца, сросшегося со средним, у него на кисти было еще два пальца – загнутый закорючкой большой и малюсенький мизинец, росший не вперед, как положено, а вниз, прямо из ладони.

– Чего-о? – ошарашенно протянул Бугров. – Чего ты там вякнул?

– Заткнись, тварь! – прорычал Пузыч. С неожиданным проворством он вскочил на корточки и рванулся в сторону «трехпалого», невзирая на спущенные штаны. Однако Федор находился начеку – вскинул арбалет и нанес борзому муту очередное «боевое ранение».

Если честно, Федор опять хотел попасть в задницу, но чуток пониже – скажем так, в промежность. Уж шибко противно выглядело «интимное место» у ворма – даже описывать не хочется. Короче говоря, полный отстой, отвис и отпад, или, если выразиться по науке, «я у мамы гермафродит». Но то ли рука у Федора дрогнула, то ли «мишень» оказалась слишком подвижной, но болт угодил, так сказать, в верхний габарит – в копчик.

Ох уж взвыл на этот раз Пузыч, так взвыл. Электродрель на пару с бензопилой подобной колоратуры не выдадут, не говоря уже о каком-нибудь Пласидо Доминго, а ворм сумел. И с таким искренним чувством выдал, что, наверное, разогнал всех мутов в радиусе пятьсот метров. Потому что, когда живое существо так проникновенно вопит, даже лысому ежу понятно, что кто-то с кого-то заживо сдирает шкуру. Следовательно, надо побыстрее делать ноги – а то ведь лихоимцы и до тебя доберутся.

Однако солировал ворм недолго. Латыпов подскочил и двумя ударами отсек уроду обе

ступни – как обещал. И чтобы больше не рыпался, а то уж больно шустрый, никаких нервов не хватит. А нервы у старшины давно находились на пределе. Укоротив и, заодно, укротив Пузыча, он приблизился к трехпалому «трупоеду» и, продолжая сжимать в руке окровавленный палаш, требовательно бросил:

– А ну-ка, давай по порядку. Чем он там хвастался?

– Я все скажу, командила, все, – затараторил «трехпалый», косясь на клинок. – Этот Пузыч сегодня ночью к нам подошла. Мы у костла сидели, вот с ним. – Он показал пальцем на труп «одноглазого». – А этот Пузыч стала нас уговаливать. Долго уговаливала. Даже золото обещала. И много чего говорила. Как она длаться умеет. И палаш свой показывала. И говорила, какая он умная и сильная...

– Ближе к делу, урод! – рявкнул Латыпов. – А то язык отрежу. Чего он говорил об убитом бойце?

– А-а, об убитом... Так это, командила... Командила, а ты меня отпустишь? – Ворм заискивающе посмотрел в глаза Латыпову. – Я твой плохо ничего не делала. И твой капитолийцам ничего не делала. Отпусти меня. А я все скажу. Я много знаю.

– Значит, жить хочешь? – угрюмо спросил старшина.

– Хочу, командила.

– Так тогда рассказывай, хоммучий потрох! А потом видно будет. Ну?!

– Я все понимаю, командила. Не селдися, я все скажу. Этот Пузыч говорила, что была в плену у шамов.

– У шамов? – с недоверием переспросил старшина.

– У шамов, у шамов. В плену она у них было. И не только она. Много волмов в плену была, очень много. Шама всех делжали на цепях и совсем не колмили. Совсем, чтобы волмы были голодный и злой. И это... в головы шама залазила, ничего не давала делать. Чтобы волмы их слушалась, а сама ничего не могла думать. Потому что шама не давала.

– Да не тараторь ты так, урод, – с раздражением вмешался Бугров. – Ничего не понимаю. Старшина, ты понимаешь?

– Кое-что понимаю, сержант, – медленно произнес Латыпов. А про себя подумал: «Ай да молодец, сержант. Спас «бомжика» от «кровопийцев» – как будто наперед знал, что тот может поделиться ценной информацией. Одна из заповедей разведчика – нельзя недооценивать «языка», как бы он не выглядел. Если есть возможность – всегда допроси. И не спеши убивать».

– Если понимаешь, то объясни, – не дождавсь продолжения от Латыпова, хмуро сказал сержант. – А то мы с Федором стоим, как болваны.

– Я объясню, парни. – Старшина посмотрел на арбалетчика. Тот, в отличие от Бугрова, не проявлял любопытства. Но наверняка прислушивался к разговору. И почти наверняка кто-то из них двоих потом все доложит Якубу.

Не хотелось Латыпову, чтобы эта информация, связанная с его братом, дошла до ушей Когорты Избранных. Интуитивно чувствовал – не надо бы им об этом знать. Но теперь скрыть уже не удастся – Якуб все равно докопается.

– Шама, похоже, новую пакость придумали, – сказал Латыпов. – Ловят вормов и держат их зачем-то при себе. А чтобы те не рыпались, подавляют их волю. Гипнотизируют, я так понимаю. И этот Пузыч у них тоже в плену был... Только вот на фига шамам «трупоеды» сдались? Работники из них никакие...

– Они не лаборники, командила, – встрял мутант. Его прямо-таки трясло от желания

выслужиться и спасти свою жизнь. – Они воина. Пузыч говорила, шамы их длаться посылала. Ваша capitoлийца шла, а шама на них послала волма. Пузыч тоже там была.

– Стоп, – сказал Латыпов. – Хочешь сказать, что шамы заметили capitoлийцев и натравили на них вормов?

– Да.

– Когда это было?

– Моя не знает, Пузыч не говорила. – Мутант наморщил узенький лобик. – Нет, говорила. Пузыч говорила, что это было давно, когда был полная луна.

– Ночью, что ли? В ночь полнолуния?

– Нет, днем. Перед ночью. Пузыч говорила, что в ночь полной луны шамы всегда делают желтва. Много желтва – лежат голло и едят. Пузыч боялся, что его тоже съедят. Но днем плишла ваша capitoлийца. И волмы напала на них. Потому что так велела шамы.

– Понятно, – сказал Латыпов. И лицо его резко побледнело.

Он и на самом деле уже почти все понял. В том числе, понял самое главное и ужасное. Хотя и не хотел в это верить. Но слишком уж многое сходилось.

Полнолуние было около двух недель назад. И примерно в это же время в рейд ушла разведгруппа под командованием Ильи Латыпова. Ушла, как понимал Сергей, с тайным поручением Стратега Олега.

Подробностей Сергей не знал. Илья не рассказывал, а он не спрашивал. И не только из-за секретности задания...

Но сразу после этого погиб Олег. А группа капитана Латыпова так и не вернулась в Капитолий. Зато по Тушино около двух недель шастал с палахом Ильи безродный ворм Пузыч. И таскал на голове тактический шлем, ублюдок.

Чего уж тут непонятного? А верить все равно не хочется. Кто же захочет поверить в гибель старшего брата? Пусть и не общались они толком последние несколько лет. Да что там не общались – считай, врагами стали. А все из-за Ирины – красавицы и на редкость легкомысленной девки.

Сначала она пообещала Сергею, что выйдет за него замуж. И вдруг резко изменила мнение, заявив, что любит Илью. Все, мол, Сережа, между нами кончено. Не обижайся, но сердцу не прикажешь.

Сильно обиделся тогда Сергей на старшего брата. Настолько сильно и страшно, что всенародно пообещал его убить накануне свадьбы. Не в спину, понятно, убить, а в открытой схватке – в «поединке чести».

Илья оправдывался, пытался объяснить с братом, но тот и слушать не желал. Лишь твердил, как заведенный: «Либо ты, либо я. Либо принимай вызов, либо сдохнешь, как трус».

И быть бы большой беде. Да вмещался Стратег Олег и уговорил Сергея отказаться от поединка. Не позорь, мол, имя Латыповых такими разборками из-за глупой бабы. Все равно уже ничего не изменишь, только жизнь разрушишь – и себе, и брату.

Стратега Сергей послушался. Но брата не простил. Даже несмотря на то, что напрочь выбросил Ирину из сердца. А вскоре и сам женился назло всем, чтобы не думали, что он переживает. Однако с Ильей так и не примирился. Потому что считал его предателем.

Но сейчас... После того, как всего-то полмесяца назад скончалась от сердечного приступа мать... Сейчас известие о гибели брата потрясло старшину до глубины души. Что же это за напасть такая?! За что его Юпитер проклял, оставляя без близких людей?

– Сколько их там было – capitoлийцев? – сглотнув комок в горле, сипло выдавил из себя

Латышов.

– Много, – с готовностью отозвался «трупоед».

– Много, это сколько? Трое?

– Нет. Совсем много.

– Четверо?

– Да, четвело! – обрадованно воскликнул мутант. – Пузыч так и говорила – очень много было. Целых четвело. Долго с ними длались, очень долго. Ваши стлеляли из автоматы. Но волмы их все лавно побила. – Он помолчал, поглядывая на Латышова, и со злорадством уточнил: – Этот улод лично capitoлийца убила.

– Какой урод?

– Да этот же, Пузыч. Сама хвастался. Лично убила, говорит, и заблал палаш. А потом снял шлем и надел на свой башка. И пелестал слышать шамов. Идет, а шамы не командуют. И тогда он убежала. Он сама ласказывал, я не влу.

– Пузыч надел шлем убитого capitoлийца, я правильно понял? – отчетливо, почти по слогам, спросил Латышов. – И после этого перестал слышать команды шамов, так?

– Плимелно так, – охотно согласился ворм, почесывая плешивый затылок торчащим из ладони мизинцем. – Он хвасталась, что тепель никого не боится, даже шамов.

– Я просек в чем дело, – сказал Бугров. – Тактические шлемы экранируют ментальные посылы. Когда этот говнюк натянул шлем себе на башку, он вышел из-под контроля шамов и сбежал. Верно, старшина?

– Верно, сержант.

Латышов развернулся и приблизился к Пузычу. Тот лежал на боку и тихо поскуливал. В ногах у него натекла огромная лужа фиолетовой крови.

– Эй, ты, – начал Сергей и тут же оборвал себя.

О чем спрашивать этого отморозка? Правда ли, что он убил Илью?

Так не знает он никакого Илью и вряд ли чего толком запомнил в сплошном угаре. Когда шамы влезают в мозги, то ты становишься куклой – тупой куклой, выполняющей чужую волю. Так что...

Теперь показания Пузыча не имеют никакого значения. Он сам уже рассказал другим вормам о том, что помнил. Почти наверняка что-то приврал. Но есть неопровержимые факты – палаш и шлем. И от них никуда не денешься. Илья погиб, как и остальные члены группы. Скорее всего, погиб около логова шамов у бывшей станции метро «Тушино».

Опасное там место. Зачем парни туда сунулись? Да кто ж его знает... Днем шамы обычно спят. Возможно, Илья надеялся по-тихому проскочить, чтобы срезать путь к Большому Каналу. Но шамы их засекли и бросили в бой вормов-рабов. Хитроумные эти шамы, ничего не скажешь...

Латышов посмотрел на Пузыча. А тот даже не отреагировал на приближение ненавистного хомо – лежал на боку и скулил. Глаза затянулись пленкой, как у жабы, в уголках рта выступила кровавая пена...

Сергей инстинктивно приподнял руку с клинком... и опустил обратно. Пусть подышает сам. Легкой смерти эта тварь не заслужила...

– Получается, эти уроды нашу группу замочили? – Бугров неслышно подошел сзади и остановился слева от Латышова. – Как ты думаешь, командир, кто бы это мог быть? У нас, вроде, никто не пропадал.

– Вроде бы...

– То есть, предположений никаких?

– Никаких, – сказал Латыпов.

– Надо обязательно доложить.

– Конечно, обязательно доложу. Как только вернемся на базу.

Бугров покосился на Латыпова и спросил:

– Что с девкой будем делать, старшина? Сдается мне, что она из «лесных».

– Да, похоже. Надо бы ее в чувство привести и допросить.

– Может, сначала побалуемся с ней? – Сержант хищно усмехнулся. – Глянь, как ляжки

растопырила. От нее не убудет.

– Тебе что, жены не хватает? – нахмурившись, отозвался Латыпов.

– Так то жена. С ней скучно. А тут – свежее мясо.

– Не мясо, а тело. Она тоже человек, Бугор.

– Еще надо разобраться, насколько они люди, эти «лесные», – буркнул сержант.

– Без нас разберутся – на то Когорта есть, – твердо произнес Латыпов. – И вообще – пора в Капитолий двигать, пока не стемнело. Хочешь потом в темноте по лесу пробираться? Или собрался в развалинах до утра сидеть?

– А чего бы и не посидеть с молодой? Точнее, полежать? Тем более тебе, холостяку.

Сержант как будто специально заводил Латыпова. Но тот не ответил – не успел.

– Командила, – подал голос «трехпалый». – Тепеля ты меня отпустишь? Я все сказала.

Старшина обернулся. Ворм сидел на корточках, находясь на низком старте. Он давно бы уже попытался удрать, но не осмеливался из-за присутствия Федора. Умение того точно разить цель из арбалета «трехпалый» успел оценить на печальном примере Пузыча и явно опасался подставлять под выстрел свою тощую задницу.

– Проваливай, – сказал Латыпов. – Шесть сек, и чтобы я тебя не видел.

Вряд ли мутант понял, что означает выражение «шесть сек», но дернул прочь, как будто и вправду получил в задницу арбалетный болт. И тут же скрылся за остатками кирпичной стены.

– Далеко не убежит, – сказал сержант. – Отсидится в развалинах и вернется ночью.

– Думаешь?

– Уверен. Здесь же столько трупов. Повезло, уроду. Теперь он жратвой на неделю обеспечен.

– Она очнулась, старшина, – внезапно произнес Федор. И, словно реагируя на его слова, негромко застонала девушка.

Сначала она пошевелила головой. Затем, опершись локтем о землю, приподняла туловище. Она смотрела на разведчиков, но взгляд был мутным, а на лице ничего не отражалось. Кроме гримасы боли. Видимо, она еще находилась в полубессознательном состоянии.

– Федор, помоги ей, – скомандовал Латыпов. – Прислони к стене.

Пока арбалетчик присаживал у стены девушку, которая, как тряпичная кукла, норовила сползти на землю, старшина тоже приблизился к ней. Теперь у него было время разглядеть девушку тщательнее.

Темноволосая. Но не брюнетка, а, скорее, темно-рыжая. Лицо правильной овальной формы, с узкими скулами. Но щеки сильно запали, как и продолговатые, слегка раскосые, глаза. Вокруг них темнели круги, и от этого глаза казались огромными. Не глаза, а натуральные лесные озера с топкими берегами.

Правда, сейчас они были полуприкрыты, а голова безвольно болталась на высокой шее. Но Федору все-таки удалось усадить девушку у стены. Точнее, это удалось сделать совместными усилиями арбалетчика и незнакомки, потому что ее тело вдруг напряглось, словно надутое воздухом. Но на самом деле в него вернулась жизнь.

Латыпов это понял, потому что девушка широко распахнула густые ресницы. И взглянула прямо перед собой, как будто пыталась сфокусироваться на одной ей видимой цели.

Глаза у нее были яркие – бирюзовые, что ли... Сергей не очень-то разбирался в тонкостях цветовых гамм, но понял, что очень яркие. Как будто драгоценные камни сверкнули. Как их там? Изумруды, что ли...

А в следующую секунду она закричала. Нечленораздельно. Но было понятно, что ее крик несет страх и отчаянье. Федор растерянно обернулся на командира, а затем, нагнувшись, грубо зажал незнакомке рот.

– Правильно, – сказал Латыпов. – Придержи ее пока, а то она всех мутов на ноги поднимет.

Он присел рядом на корточки и произнес – громко и отчетливо:

– Слушай меня. Ты жива – это главное. На тебя напали вормы – мы их убили. Теперь тебя никто не тронет. Это – главное. Ты меня поняла?.. Если поняла, закрой глаза. Ну?.. И не дергайся, это бесполезно. Ну? Ты – меня – поняла?

Девушка с трудом – мешала цепкая и крепкая ладонь арбалетчика – кивнула и уже потом сжала веки.

– Молодец, – сказал Латыпов. – Сейчас Федор уберет ладонь. Но ты должна молчать, а не вопить, как недорезанная. Если поняла – открой глаза.

Незнакомка разомкнула веки. Во взгляде читался испуг и боль. Из уголков глаз выкатились несколько крупных слезинок и потекли вдоль переносицы.

– Отпусти, – распорядился Сергей.

Федор с опасением разжал ладонь и медленно отодвинул ее от лица девушки. Та молчала и лишь тяжело, со всхлипом, дышала.

Латыпов снял с пояса флягу и поднес к губам незнакомки.

– Глотни немного. Это поможет... Как тебя зовут?

Она сделала несколько жадных глотков и, подавившись, закашляла. Потом вытерла губы наружной стороной кисти и хрипло выдавила:

– Глаша.

– Ты из общины «лесных», ведь так.

– ...Так, – после заминки отозвалась девушка. – А вы... вы ведь капитолийцы?

– Капитолийцы.

Глаша уронила голову на грудь. По лицу ее пробежала судорога отчаянья.

– Что вы... что теперь со мной будет?

– Теперь ты пленная, – сказал Латыпов, смотря в сторону. На глазах девушки опять выступили слезы, и он не хотел этого видеть. – Но для тебя так даже лучше. Тебя бы все равно убили муты, одной в этих джунглях не выжить. А в Капитолии... В Капитолии можно жить.

– Рабыней? – с желчью спросила, будто выплюнула, Глаша.

– Ну-у... это не мне решать. У меня начальство есть.

– Уж лучше бы меня убили муты, – потухшим голосом произнесла девушка. – Я думала,

что уже умерла. Очнулась, а тут вы. Уроды капитолийские... – Помолчав, добавила: – Убейте меня, а? Чего вам стоит? Вы же все равно звери.

Сергей не ответил. Поднялся и сказал арбалетчику:

– Федор, свяжи ей руки. Надо возвращаться на базу. Пять минут перекур и топаем.

Он отошел в сторону и, вытащив из напоясной сумки клочок бумаги и кiset, ловко скрутил самокрутку.

– Борзая девка. – Сержант уже стоял рядом. – Отсыпь махорочки, у меня закончилась.

– Держи.

– Спасибо... Я вижу, старшина, что ты на эту Глашу запал малость.

– С чего ты взял? – Латыпов достал изготовленную из гильзы зажигалку и зажег сигарку. – Уж больно ты наблюдательный, сержант. Лучше бы за своей женой смотрел.

– Жена от меня никуда не денется. Жена, что курица, где петух, туда и тулится. – Бугров хохотнул. – А это боевая добыча. Имею право.

– Я сказал уже – она пленная. И сначала ее надо довести до базы. А дальше Стратег решит.

– Да понял я. Но меня не проведешь. Видел я, как ты на нее пялишься. Ничего, вообще-то, девка – белая и в теле. – Сержант тоже закурил. – Только зря стараешься. Ее все равно в рабыни зачислят. И будет она по ночам всех холостяков обслуживать. Тебя, кстати, тоже. Может, и без очереди – ты же ее поймал.

– Завидуешь? – с равнодушной усмешкой бросил Латыпов.

Равнодушие далось ему с трудом. Сержант Бугров – по-простому «Бугор» – его раздражал. С того самого момента, когда его начали ставить в группу Латыпова. А это началось сразу после того, как убили Стратега Олега.

– Нет, не завидую. Было бы чему... «Лесные», они дикие, им доверять нельзя. Знахари там всякие, ведуньи. Говорят, с дендрами общаться умеют, серыми пчелами управляют на расстоянии. А это лишь мутантам под силу.

– Чушь все это, слухи. Обычные они люди, только живут иначе, как мы... Жили.

– Это в каком смысле иначе? – сержант прищурился.

– В прямом. Не нашего ума дело об этом рассуждать. Избранные разберутся, что к чему.

– Это верно. – Бугров затаился, хищно раздувая ноздри. И взгляд у него был хищный, как у рыси. Возможно, из-за своеобразной, вытянутой и суженной к вискам формы глаз и желтовато-зеленоватой радужки. – А хороший у тебя самосад, вкусный. У кого брал? Как будто с добавкой какой.

– Это дикий табак. Его «лесные» на полянах собирали. А нам он в виде дани поставлялся. – Латыпов, не скрывая усмешки, коротко взглянул на сержанта. – Учти – он, может, какой заговоренный. Курнешь – и скопытишься.

– Ну, если только на пару с тобой. Но вообще-то я не знал про такой табак.

Сергей промолчал. Подобный табак полагался офицерскому составу. Илья его получал по нормам вещевого довольствия. Однако брат не курил. И мать передавала табак Сергею. Посвящать в эти маленькие «семейные тайны» Бугра старшина не собирался. Но тот заговорил сам:

– Слушай, а ведь Илья с группой в какой-то дальний рейд ушел? Не знаешь, куда?

– Откуда же мне знать? Мы с ним секретную информацию не обсуждали. Да и вообще почти не разговаривали.

– Понятно. Жаль, – не совсем впопад изрек сержант. – Ну что, топаем в Капитолий?

– Топаем.

Сергей сделал последнюю затяжку, досмолив самокрутку до конца – так, что обожгло пальцы. Но лицо его осталось неподвижным и спокойным.

«Доложит Бугор Якубу про палаш и шлем, как пить дать – доложит, – подумал, растирая крошечный остаток сигарки в руке. Автоматическая привычка, из числа тех, что вырабатываются годами – нельзя в разведке оставлять следов. Окурки, это тоже след. – Навершие из орла, конечно, не только у Ильи на оружии было. Но вряд ли Якуб поверит, что я не сумел опознать свою работу... Нда-а... Придется самому доложить о гибели Ильи и группы, пока сержант не опередил. Так ведь и спалиться можно. А мне никак нельзя палиться. Потому что теперь мне есть о ком заботиться».

Он имел в виду маленькую дочь Маришку, которую воспитывал один с самого рождения – ведь жена умерла при родах. Точнее, воспитывала Маришку бабушка, а он, так сказать, принимал посильное участие. Но теперь дочка полностью на его попечении и ответственности.

А о Глаше старшина Латыпов в тот момент ничего такого не думал. Разве что не шли из памяти ее глаза. Огромные, как лесные озера, до дна наполненные болью и отчаяньем...

Глава третья

Кровь и песок

Когда Марфа заглянула в кабинет старшины, тот сидел за столом и что-то записывал в толстой синей тетради. Ключница знала, что это бухгалтерская книга, а в таких случаях говорить под руку нельзя. Поэтому скромно встала у порога, но Гермес, видимо, уже закончил работу. Захлопнув тетрадь, он положил ее в сейф, закрыл дверцу на ключ и лишь потом рассеянно спросил:

– Ну, чего там у тебя?

– Да я по поводу тату у Тимохи.

– Какого тату?

– Помнишь, я говорила, у него на плече рисунок выколот? Но он тогда грязью замазан был.

– Ну, помню.

– Так вот, когда Тимоху в прачечной мыли, разглядела я, что там за птица.

– Ну-у? – старшина оживился. – И какая?

– Орел у него выколот.

– Орел? Орел, значит... – Гермес помолчал, в задумчивости почесывая бородку. – Странная наколка для «лесного». Таких птиц в Москве давным-давно не водится. А ты уверена, что это именно орел? Где ты их раньше видела?

– Живых не видела, – сказала Марфа. – Зато других видела. Помнишь, к нам в прошлом году приезжала делегация capitoлийцев?

– Конечно, помню.

– Так вот, у них была такая штука... ну, на палке, на ней была фигурка орла. Мне Степан тогда сказал, что это орел.

– Фигурка орла на палке?.. Такая штука называется штандарт. Да, теперь вспоминаю. Фигуру орла capitoлийцы изображают на своем гербе... – Гермес, наклонив голову, настороженно взглянул на помощницу. – Постой. Ты думаешь, что Тимоха из Капитолия?

– Ничего я не думаю. – Ключница повела плечами. – Одно дело, этот самый, герб. Другое дело – тату на плече. Мало ли зачем ее Тимоха себе наколол? Некоторые даже удильщика на жопе накалывают, хотя его в глаза никто не видел.

– Не скажи. Про удильщика, по крайней мере, все слышали. А орел – птица древняя, вымершая... Слушай, может, все capitoлийцы накалывают себе орла? Ну, обычай такой.

– Может, – равнодушно отозвалась Марфа. – Только я ни одного голого capitoлийца раньше не видела – ни живого, ни мертвого. Откуда мне знать, чего они себе накалывают?

– Тоже верно. – Старшина несколько секунд молчал, покачивая головой. – Как там, кстати, наш Тимофей?

– Сейчас не знаю. Отвела его в каземат, как ты велел. Там его в клетку заперли до вечера.

– И что?

– Что?

– Как Тимоха себя вел?

– Да нормально вел, спокойно. – Марфа приподняла плечи, и ее могучие груди

выразительно колыхнулись под платьем. – Разве что головой все время вертел по сторонам и все спрашивал – что да как. Чудной он какой-то – и впрямь будто всю жизнь в лесной землянке просидел.

– Или все-таки шпион, – пробормотал Гермес. – Хотя вряд ли... Посылать лазутчика с такой наколкой, это уж совсем нас за идиотов считать... Так или иначе...

Он задумался, теребя свою аккуратную бородку. Мало, очень мало знали маркитанты о Капитолии и его обитателях. Кроме одного – что это мощный и опасный враг. Пока капитолийцы ведут себя мирно и даже несколько торговых сделок с маркитантами провернули. Но покупают, в основном, порох, боеприпасы и оружие. Недавно малокалиберную пушку просили, умники. Гермес отказал, заявив, что такого оружия у них на продажу нет.

Пушек у маркитантов и на самом деле отродясь не было. Но если бы и имели их в загашнике, то все равно не продали бы капитолийцам. Потому что продавать можно все, что угодно, за исключением того, что может навредить клану. Такова одна из главных заповедей маркитантов, и Гермес ее всегда свято придерживался. Даже лысому ежу понятно, что капитолийцы потенциальные враги, пусть пока и не рыпаются. Однако это до поры до времени, потому что кишка тонка Стадион штурмом взять.

Так что, от мертвого хоммута им уши, а не пушки. Вот если чего помельче, типа карабинов, это можно. Чего не продать товар, если за него дают хорошую цену? За золото можно и «калаши» продать, и даже гранат малехо. Но не пушки. Ибо с Капитолием рано или поздно придется схлестнуться не на жизнь, а на смерть – территория-то, считай, одна, а два медведя в одной берлоге не живут. Если им, конечно, кто-нибудь раньше рога не обломает, Когорте этой самой, или как там их...

Гермес дорого бы заплатил за любую новую информацию о Капитолии и устройстве его общества. И взять в оборот Тимоху в расчете на получение подобной информации показалось, на первый взгляд, заманчивой идеей. Начнет палач спускать шкуру заживо – сразу запоеет. Но...

Но лишь в том случае, если он и в самом деле из Капитолия. И если у него не отшибло память, и он лишь косит под дурачка. А иначе...

А иначе угробят парня ни за грош безо всякой выгоды. А это – не по-хозяйски, нерачительно. Скорее всего, никакой Тимоха не шпион. Да и наколка орла ни о чем не говорит. Правильно заметила Марфа, что наколоть что угодно можно, даже удильщика на заднице...

Гермес, как и любой уважающий себя маркитант, был жаден и расчетлив, считая каждый рубль. И теперь он прикидывал, как подороже продать товар, неожиданно оказавшийся у него в руках. Даже не столько продать, сколько пустить в оборот, чтобы он принес как можно больше прибыли.

А прибыль сейчас была, ох, как нужна. Полмесяца назад клан Тушинских маркитантов понес серьезные убытки. Их обоз с товаром отправился на встречу с обозом лесных людей – для торговли и обмена. И не вернулся.

На следующий день Гермес снарядил поисковую группу. Однако та обнаружила лишь разбитые и покореженные бронетранспортеры. Пустые. В том смысле, что ни людей, ни, самое главное, товара. Но сиденья водителей на обоих «бэтэрах» оказались залиты кровью. И на земле поблизости тоже были свежие следы крови. И всё. Как хочешь, так и понимай.

Несчастье случилось как раз в то смутное время, когда «лесным» объявили войну нео. А

затем, через несколько дней, на острог лесных людей напали капитолийцы. И с тех пор Гермеса мучил вопрос – что же случилось с их караваном? Уж не капитолийцы ли его грабанули под шумок?

За такой беспредел шкуру живьем спустить мало. Но сначала надо дознаться точно, кто разбой сотворил. Тимоха вряд ли к нему причастен, даже если он и на самом деле из Капитолия. Вернее, если он из Капитолия, то тут тогда черт ногу сломит...

– Я так понимаю, ты собираешься Тимоху в боях использовать? – устав от долгого молчания Гермеса, спросила ключница. – Думаешь, получится на нем хорошо наварить?

– Хорошо бы, да рано загадывать, – задумчиво отозвался старшина. – Надо сначала проверить, что он из себя представляет. Если его в первой схватке завалят, то туда ему и дорога. А если умелый боец... – он хитро прищурился, – то можно и на тотализаторе раскрутить.

Марфа кивнула. Она хорошо понимала, куда клонит предводитель клана маркитантов. Зарабатывать на гладиаторских боях можно по-разному. Самый очевидный и простой источник дохода – плата, которую публика вносит за проход на трибуны. Но на этом большой прибыли не получишь.

Совсем иной коленкор – тотализатор. Во-первых, владелец тотализатора всегда получает процент от общей суммы ставок – так что, дело беспроигрышное. Во-вторых, зная, как оцениваются шансы бойцов, можно подстроить нужный результат – если играть против фаворита, на которого ставит основная часть публики.

– Нюхом чувствую, должен я на этом парне неплохо заработать, – заявил Гермес. – Он же настоящий олух, как его не использовать втемную? Верно?

– Верно, – согласилась ключница. – Только я одного не пойму – Тимоха со своей девкой все равно в наших руках. Куда ему деваться? А ты его зачем-то уговариваешь, договор с ним заключаешь. Мог ведь просто заставить – вон сколько у нас таких в клетках сидят.

– Предлагаешь сделать его рабом, чтобы дрался за жратву?.. Прimitивно мыслишь, Марфа. – Старшина самодовольно хохотнул. – Заставить я его, конечно, могу. Но по-настоящему хорош тот боец, что сражается не за страх, а за совесть. Это мутам лишь бы брюхо набить. А почему? Потому что они тупые и живут одним днем. А человеку нужны стимулы с перспективой. Тогда он горы свернет. А что это означает?

– Что? – вежливо поинтересовалась ключница.

– Что боец будет драться с удвоенной силой. И порвет кого угодно. А из-под палки человек дерется плохо. Без энтузиазма, я бы сказал.

– Все равно не понимаю. Какой еще энтузиазм, когда на кону твоя жизнь? Разве это не стимул?

– Стимул, конечно. – Гермес кивнул. – Однако одно дело, когда дерешься лишь за себя. Другое, когда за себя и еще кого-то. Тимоха будет драться, как зверь, потому что хочет спасти Алену, а не только свою шкуру. Ну и надеется при этом, что у них есть будущее. Вот тебе и двойной стимул – спасти себя и сестру. Слышала, он сказал, что готов за нее пасть рвать? Вот и пусть рвет.

– Ну и порвет, предположим. А дальше что?

Старшина хмыкнул.

– Пусть грохнет для начала пару мутов, а дальше посмотрим, что с ним делать. Да и с сеструхой его.

– А если он поймет, что ты его за нос водишь? Ты же их не собираешься отпускать,

верно?

– А чего их отпускать? Я их не звал, сами к нам заявились. Это просто бизнес, Марфа. – Гермес помолчал и с лицемерным сочувствием добавил: – Да и куда они вдвоем потом денутся? Их же муты на куски порвут, едва они за ворота выйдут. Пусть уж у нас в крепости поживут. Не задаром, конечно...

– Тогда ты ему маловато собрался платить. Что если Тимоха врубится и права качать начнет?

– Пусть только попробует. – Лицо старшины мгновенно стало жестким. – Если сестры не жаль... Как там, кстати, эта Алена? Выживет?

– Выживет. Рану ей заштопали, оклемается. Девка молодая, крепкая...

– Вот именно, что молодая... Хороший товар, я сразу ее заценил. И, считай, без изъянов.

– В наложницы себе возьмешь? – с показным безразличием спросила Марфа.

– Почему бы и нет? Девка она ладная.

– Ну, это как поглядеть. По мне – ни кожи, ни рожи. Шрам, вон, на ляжке останется.

– Шрам на ляжке, это пустяки по нынешним временам.

– А фингал какой на щеке! Видел?

– Ну, Марфа, ты даешь! – Гермес рассмеялся. – Ха, фингал! Фингал, что снег летом: выпал – и сошел. Будто сама никогда с фонарем не ходила. Синяк бабу украшает. Если получила, значит, есть за что. И мужики к ней равнодушны. Сноровистая, значит, кобылка.

– Ну-ну! А если заерепенится твоя кобылка? Я слышала, что у «лесных» бабы злые и кусучие, как крысособаки. Не боишься, что откусит чего-нибудь?

– Ха... Будет ерепениться, прямиком в публичный дом попадет... А ты что, никак приревновала?

– Еще чего! Какая мне разница? – Ключница переступила с ноги на ногу, колыхнув ягодицы. – Ты мне, чай, не муж. А я тебе не жена.

– Ну, жена не жена... – Глаза старшины похотливо блеснули. – Может, покувыркаемся немного?

– Когда я была против? – с игривостью отозвалась ключница. – Только...

– Что?

– Ты же хотел глянуть, как Тимоха дерется. Игнат тебя ждет, чтобы его выпустить. А то темнеет уже. Или ты решил испытание до завтра отложить?

– Да нет, зачем такое откладывать? Лучше я тебя пока отложу. – Гермес хохотнул. – Зайдешь после ужина, разомнемся. А Тимоха пусть отрабатывает ночлег – у нас тут не богадельня...

Гладиаторские бои на территории Стадиона проводились почти каждый божий день – если выражение «божий» вообще применимо к чудовищному постыжерному бардаку, который наступил после Третьей мировой. Проводились с того самого момента, когда частично разрушенное строение на южной окраине Тушино обжили и превратили в неприступную крепость местные маркитанты. Затем, как водится у рачительных коммерсантов, устроили здесь рынок и заодно арену для гладиаторских боев, чтобы приумножать прибыль не отходя от кассы.

Для арены выкроили часть бывшего футбольного поля. Эта прямоугольная площадка, где сражались и умирали бойцы, за минувшие годы впитала в себя столько пота и крови, что вполне могла бы превратиться в кровавое озеро. И превратилась бы, если бы не хорошая

дренажная система и жадные до крови корни дворового дерева-мутанта, росшего прямо на поле.

Гигантский дендр имел четыре пары стволов, верхушки которых срослись между собой, образовав арки. Первоначально, обустроив заброшенную территорию, маркитанты попытались избавиться от дендромута, срубив стволы. Но у них ничего не вышло, потому что стволы отрастали на удивление быстро, а корни маркитанты выкорчевать не могли – те уходили куда-то вглубь под основание трибун.

И тогда новые хозяева Стадиона махнули на растительного мутанта рукой – мол, пусть живет, места всем хватит. Он ведь, в принципе, не опасен, если вовремя обрубить свешивающиеся с верхушек лианы и не щелкать хлебальником, когда идешь мимо. А еще и пользу можно извлечь.

Между собой маркитанты прозвали сросшиеся стволы «аркой смерти» – именно под ней, у подножия двух стволов, похоронная команда складывала тела погибших бойцов. К утру от мертвецов почти ничего не оставалось, кроме скелета, обтянутого кожей. А его шустро подъедали и догрызали сухопутные осьминоги, обитавшие в норах под трибунами.

Оно и правильно – зачем антисанитарию разводить рядом с торговыми рядами, привлекая квазимух и прочих тварей гниющими «отходами производства»? Ведь бои шли на арене от полудня до заката, и в трупах недостатка не было. А всё потому, что народ любит зрелища. И всегда находятся те, кто готов за него заплатить или рискнуть собственной жизнью ради нескольких «Сеятелей».

Правда, на корм дворовому дереву отправлялись далеко не все трупы – только те, что принадлежали прогнившим дампам и ядовитым осмам. Тела большинства погибших мутантов, а также людей, шли на переработку. Полученная продукция частично – качеством похуже – использовалась для прокорма фенакодусов, частично – качеством получше (так сказать, первый сорт) – попадала в трактиры.

Их на территории Стадиона находилось два – один для людей, другой для мутантов. Но принципиальная разница между трактирами заключалась лишь в одном – мутантов кормили чем ни попадя, а вот людям никогда не подавали блюда из человечины. Из свежеебитого не всегда пожалуйста. Да даже и из слегка протухшего ворма. Но не из человечины. Сервис, называется – еж твою удильщика бабушку.

Впрочем, в меню пикантные детали о конкретном происхождении продуктов не указывались. Да и меню, как такового, не было. Официант спрашивал: «Вам мяса копченого, жареного или вареного? Или предпочитаете котлеты из отборного фарша?» И – кушайте на здоровье, клиенты дорогие, не отравитесь... Как любил говаривать глава клана маркитантов старшина Гермес: «Бизнес есть бизнес – плати и жри, что дают. И ничего личного».

День начинал клониться к закату, когда старый знакомец Фрол сопровождал Тима до арены. До этого тот несколько часов провел в стальной клетке, но они пролетели незаметно. Потому что Тим сразу завалился спать – сказались тяжеленные события последних двух суток, когда жизнь постоянно висела на волоске – и дрыхнул, как убитый, до того момента, пока не разбудил Фрол. Он растолкал Тима, лежащего в углу клетки на куске дерюги, и коротко бросил: «Вставай, лесной. Пора делом заняться».

Каким именно делом, охранник не уточнил. А Тим не спросил, потому что спросонья плохо соображал. Да и чего спрашивать? Скоро сам все поймет.

Но сначала Фрол велел снять Тиму рубашку. Так и заявил: «Снимай свою гимнастерку». «Зачем?» – удивился Тим.

«Затем, что не на прогулку идешь», – сказал Фрол.

И вытащил из мешка две рубашки. Одна – без рукавов, из какого-то плотного материала. А вторая – с короткими рукавами – была изготовлена из мелких железных колец.

«Это подлатник и доспехи твои – панцирь называется, – пояснил охранник. – Переодевайся шустро и двинули. А гимнастерку здесь оставь. Узкая она у тебя, лишь мешать будет».

«А куда двинем?» – спросил Тим.

«В Колизей», – многообещающе произнес Фрол с нехорошей ухмылкой. И Тиму расхотелось уточнять. Поганенький он, этот Фрол, как-нибудь и без него все узнаю. Тим облачился в панцирь, и они двинули в непонятный Колизей.

Сначала миновали ряд клеток. Часть из них пустовала, в некоторых обитали мутанты. Тим особо не приглядывался – шли они с Фролом быстро, да и темно было. Ведь в подтрибунном помещении, где находились клетки, отсутствовали окна, лишь чадил несколько факелов.

Тим успел заметить косматого нео – тот стоял у решетки и злобно скалился – и парочку неизвестных уродов с пупырчатыми башками. Они тихонечко сидели в углу своей клетки, почти не выделяясь на темном фоне задней стенки. И Тим бы вовсе их не засек – если бы не слабый фосфоресцирующий свет, исходящий от голов мутантов.

От неожиданности Тим затормозил и спросил:

– А кто это?

– Осмы, разумеется, – ответил Фрол, шедший сзади.

– А чего они такие?

– Какие?

– Как светлячки.

– Потому что жрут радиоактивные отходы. Ты топай давай, чучело. Здесь тебе не это самое... не экскурсия.

– Чего-чего? – удивился Тим. – Какая экскурсия?

Не хотелось ему общаться с грубияном Фролом, совсем не хотелось. При других обстоятельствах ни за что бы спрашивать не стал. Но сейчас спросил, потому что позарез нуждался в новых знаниях – старых-то в голове почти не осталось.

– Того, – буркнул Фрол. – Слишком много вопросов задаешь. Ты, Тимоха, часом, не шпион?

– А кто это?

– Котях в пальто! – мгновенно рассвирепел охранник. – Шагай вперед, а то дубинкой врежу!

И Тим прибавил ходу, чтобы не нагнетать напряжения. Больше он никого в клетках не обнаружил. Или не сумел рассмотреть в темноте.

Они миновали боковой коридор и очутились на поле. Том самом поле, где раньше, до Великой Войны, по словам Фрола играли в непонятный ногомяч. А фаны сидели на трибунах и болели от этого. А потом еще жертвы приносили своему идолу... Придурки, чего тут скажешь. Доигрались до Третьей мировой...

Сразу у выхода из коридора, частично перекрывая его, рос один из стволов дворового дерева-мутанта. С его изогнутой верхней части свисали ветви-лианы. До них от земли было высоко, метров пять, не меньше. Но в тот момент, когда Фрол и Тим проходили под живой аркой, лианы зашевелились, как змеи, издавая странный звук, похожий на причмокивание.

Ощущение показалось настолько неприятным, что Тим непроизвольно пригнул голову. И лишь потом посмотрел вверх.

– Не ссы, чудило, – с насмешкой бросил Фрол. – Сейчас до них еще далеко, не дотянутся.

– Я здесь утром проходил, – сказал Тим. – Тогда они совсем короткими были. Я даже не думал...

– Хоммут тоже не думал, да в суп попал. То-то, что утром – рано утром их обрубают, чтобы проход освободить. А вот ночью сюда не суйся – раздербанят на клочки. Усек, «лесной»?

– Да, – сказал Тим.

Он действительно кое-что «усек». Кровососущие лианы дворового дерева образовывали «живую изгородь», отсекая поле от входа в коридор, который вел к клеткам с гладиаторами и заключенными. Ночью в темноте подобную преграду преодолеть очень непросто, даже при наличии рубящего оружия. Но как быть, если кому-то ночью срочно понадобится выйти на поле или, наоборот, попасть во внутренний тоннель? Тем же охранникам, например?

Тим уже собирался спросить об этом у Фрола, но сообразил, что тоннель тянулся в разные стороны. Наверное, там имелись другие проходы внутри Стадиона, которые хорошо охранялись. Но это были длинные обходные пути. А вот самый короткий путь от клеток к полю ночью преграждали смертельно опасные лианы дендра, выступая в роли дополнительной охраны. Днем же здесь располагался обычный пост из двух караульных с карабинами.

Сейчас караульные находились снаружи, за линией стволов дендромута – непосредственно на поле. На проходящих мимо Фрола и Егора почти не отреагировали – лишь лениво «даванули косяка», а один из них с ухмылкой спросил:

– В Колизей на забой ведешь?

– Угадал. К удильщику на рога, – отозвался Фрол.

Большую часть поля занимали примитивные одноэтажные строения, между которыми тянулись ряды длинных деревянных столов. Вокруг них шастал разнообразный народец. Тим уже знал, что это рынок, потому что утром проходил по краю поля вместе с Марфой-ключницей, и та кое-что растолковала.

Мол, это называется торговля. Продавцы продают товар, покупатели покупают. Иногда один товар обменивают на другой. Народ собирается со всей округи, даже с дальнего берега Водохранилища приходят. Пускают всех, но за плату. А те, кто приносит товар, дополнительно уплачивают пошлину.

Так пояснила Марфа. А Тим запомнил. Он запоминал все подряд – надо же чем-то заполнить пустую голову? Глядишь, чего и пригодится или натолкнет на воспоминания.

Народу, правда, утром на поле было совсем мало. А сейчас, к вечеру, набралось изрядно. Тим пробежался взглядом по толпе, и в животе вдруг внезапно похолодело. Он увидел среди покупателей несколько фигур в знакомых до тошноты дамповских обмотках. «Мусорщики!» Вот, твари. Тоже, получается, на рынок ходят, как порядочные мутанты.

Или... или они ищут его и Алену? Неужто вожак Бужыр отправил на Стадион своих лазутчиков? Хм... Почему бы и нет? Ведь дампы видели, как Тим и Алена переправились на другой берег затона, и пустились за ними вдогонку. Не догнали, слава Всевышнему, но...

Черт, как же он об этом не сообразил?! Дампы – отличные следопыты. Они наверняка облазили все окрестности и могли обнаружить следы Тима. Хуже того! Они могли заметить

Тима и Алену, когда те подходили к воротам Стадиона. Ведь вокруг – открытое пространство.

Если так, то ситуация резко ухудшается. «Мусорщики» наверняка затаили на беглецов дикую злобу. Ведь те улизили из-под самого носа, сорвав дампам праздник жертвоприношения. Да еще и убили колдуна Ашаба. Нет, Бужыр такого не забудет, теперь Тим и Алена злейшие враги всего клана дампов. Только сунься за ворота крепости – тут же схватят и раздерут на части.

К гадалке не ходи – дампы устроили засаду в зарослях и следят за входом. Более того – рыскают по рынку, собирая информацию. Маркитанты, конечно, не дадут им разгуляться на своей территории, но, в целом, хорошего мало.

Это что же получается? Опознают ли они Тима, когда увидят его отмытого от многодневной грязи и в нормальной человеческой одежде? И сумеют ли пронюхать о том, что в лазарете маркитантов находится раненая Алена? Может быть, предупредить Гермеса?..

Предупредить-то можно, только вот тогда получится, что Тим до этого врал старшине. А еще непонятно, как использует глава маркитантов новую информацию. Уж точно не на пользу Тиму и Алене. Хитрый он, хотя и притворяется добродушным и честным. Тим это почувствовал, пусть еще и не разобрался до конца в хитростях Гермеса. А надо бы разобраться...

Тревожные размышления прервал Фрол, скомандовав:

– Все, пришли. Жди здесь и не рыпайся.

Они остановились около невысокого забора из штакетника, огораживающего площадку в углу бывшего футбольного поля. С двух сторон к площадке примыкали ярусы, которые, как недавно узнал Тим, назывались трибунами. Но Тим и Фрол оказались с противоположной стороны от трибун, рядом с широкой калиткой. Сейчас она была распахнута.

– Что это? – Тим показал на площадку.

– Кладбище для ублюдков, – угрюмо отозвался Фрол.

Тим, уже привыкший к грубым манерам охранника, сразу понял, что тот опять насмехается над ним. Хамит, в общем. В другое время Тим давно бы уже врезал злобному говнюку в рыло, но сейчас приходилось сдерживаться. Он напряг память и неуверенно произнес:

– Это не кладбище. Это...

– Ну? – Фрол ухмыльнулся.

– Это арена, да? Здесь дерутся гладиаторы, верно?

– Почти верно, чучело, – буркнул охранник. Его слегка удивила догадливость Тима, которого он успел зачислить в непроходимые тупицы. – Да, это арена. Мы называем ее Колизеем. Но здесь не только дерутся, а и погибают. Трупы потом складывают вон там, – Фрол махнул рукой в сторону дерева-мутанта, – у «арки смерти». Вот тебе и кладбище, не отходя от кассы. И ты там скоро будешь, чучело.

Он явно презирал Тима, считая его существом второго сорта, даже, возможно, ненавидел. Тим не понимал причин такой немотивированной злобы. Он же не мутант, в конце концов. И ничего плохого этому Фролу не делал. Зачем так злиться?

– Посмотрим, – сказал Тим. – Может, и буду. А чего я здесь должен ждать?

– Того, – снова окрысился Фрол. – Велено ждать – жди. И не вздумай сдернуть куда – сразу схлопочешь люлей.

Он сделал шаг к Тиму и вытянул перед его носом руку со сжатым кулаком. Тим слегка

отшатнулся. Не потому, что испугался (еще чего!), а из-за того, что от охранника противно пахло какой-то гадостью. Если бы Тим помнил о том, что такое алкоголь, он бы догадался, что от Фрола несет перегаром. Но Тим не помнил, и поэтому подумал, отворачивая лицо в сторону: «Дерьмом изо рта пахнет, как от котяха. Дохлатину, что ли, ел?»

И вдруг он разглядел на пальцах охранника выколотые буквы. Четыре буквы. И хотя они находились в перевернутом положении, Тим все же сообразил, что буквы означают имя маркитанта: ФРОЛ. Фрол...

Откуда-то из глубины сознания всплыла картинка. Лежащий на земле автомат Калашникова, цевье которого сжимает рука. Оторванная по локоть рука. А на пальцах синюют буквы. Четыре буквы: ИВАН.

– То-то, – с удовлетворением констатировал Фрол – замешательство Тима он понял по-своему. – Стой здесь и жди Игната. Я тоже скоро вернусь.

Он развернулся и двинулся вдоль ограждения вправо – в глубь поля. Тим попытался сосредоточиться, однако воспоминание об оторванной руке с наколкой уже растворилось в его памяти. Как камень, брошенный в воду – бульк, разошлись круги и снова неподвижная гладь. Что за рука, что за Иван? И было ли это настоящее воспоминание или какой-то непонятный морок?

Тим не сумел ухватиться за ниточку, которая помогла бы распутать клубок воспоминаний. Да и не особо старался, потому что вдруг заметил на трибуне старшину Гермеса и пышнотелую Марфу. Они стояли на нижнем ряду совсем недалеко от Тима, и он решил к ним подойти.

А почему бы и нет? Всё какие-никакие, а знакомые, и куда приятнее в общении, чем злобный Фрол. Следом пришла мысль, что Гермес и Марфа могут что-то знать о состоянии Алены. И Тим почти побежал к трибуне, но успел сделать лишь несколько быстрых шагов вдоль ограждения арены.

– Эй, ты куда?! – Вынырнувший откуда-то охранник преградил путь, выразительно наставив на Тима ствол карабина. – Куда прешь, спрашиваю?

– Мне туда надо, – сказал Тим. – Вон, с Гермесом поговорить.

– С Гермесом? Ишь ты, борзый какой. – Охранник нахмурился. – А ты кто такой?

Тим задумался на пару секунд.

– Гладиатор я. Меня Фрол привел.

– Фрол? Ну и что? Гладиаторам на трибуну не положено.

– Почему?

– Рылом не вышел, чего непонятного. – Охранник грозно округлил глаза. – Вернись туда, где стоял. Ну?!

Тим – на всякий случай – отступил на пару шагов и остановился. Он намеревался возразить, но не нашелся сразу, что сказать. А переть буром на рожон не хотелось. Зачем лишние неприятности, вдруг этот придурок возьмет и стрельнет из своего оружия? Может, попробовать окликнуть Гермеса?

Тим покосился на охранника, прикидывая варианты дальнейших действий. И как раз в этот момент из проема открытой калитки появились два мужика в грязных робах. Мужики тащили носилки, на которых лежало тело человекообразного мутанта неопределенного вида.

«Ворм какой-то, – подумал Тим. – Похоже, мертвяк». И тут же заметил еще одного человека – приземистого, напоминающего шкафа. И подумал: «Ну и шкаф, этот маркитант».

То, что это именно маркитант, Тим определил по уже знакомому прикиду (как

выражалась Алена) – полуботинкам на толстой подошве, трикотажным штанам и жакету из грубой кожи фенакодуса. На поясе у мужика в открытой кобуре лежал револьвер, а на шее висел на веревочке непонятный предмет.

– Куда его, Игнат? – спросил, притормаживая, передний носильщик. – К дендру?

– Какой дендр, олух? – сердито отозвался маркитант с револьвером. – Хорошее мясо, тащите его на переработку. И чтоб шустро мне, надо еще на арену опилок подкинуть.

Увидев Тима, «шкаф» сделал несколько осторожных шагов навстречу и с подозрением спросил:

– Ты кто такой, паря? Откуда взялся?

– Я Тим... Тимоха, в смысле. – Маркитант смотрел с недоумением, и Тим добавил: –

Меня Фрол привел.

– Фрол? Вот как... А-а-а. Так ты этот, «лесной»?

– Да.

– Понятно. А Фрол где?

Тим пожал плечами:

– Не знаю. Сказал, что скоро вернется.

– Скоро? Вот как... Знаешь, кто я?

Тим отрицательно мотнул головой.

– Я шпрехшталмейстер, – напыщенно заявил маркитант. – Распоряжаюсь тут всем.

Понял?

Но Тим не впечатлился.

– Шпрех... чего?

– Шпрехшталмейстер! – рявкнул маркитант. – Короче, распорядитель.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Подробно история знакомства Тима и Алены и их побега из логова дампов описана в романе К. Кривчикова «Волоколамское шоссе».